UNIVERSITY OF TORONTO
3 1761 00322841 8

Brusov, Valerii Iakovlevich

ВАЛЕРІЙ БРЮСОВЪ

Polnoe sobranie sochinenii i perev

ПОЛНОЕ СОБРАНІЕ
СОЧИНЕНІЙ И ПЕРЕВОДОВЪ

т. I

Томъ I

Юношескія стихотворенія. — Chefs d'Œuvre. — Me eum esse.
(Стихи 1892—1899 г.)

С.-ПЕТЕРБУРГЪ
Издательство „Сиринъ"
1913

LIBRARY
AUG 9 1971
UNIVERSITY OF TORONTO

PG
3453
B7
1913a
t. 1

ВАЛЕРІЙ БРЮСОВЪ

ТОМЪ I

PG3453
.B7
1913

Ka 7715
32

Типографія Акц. О-ва Тип. Дѣла въ СПб. („Герольдъ").
Наб. р., 7 рота, 26.

SCP, Sw

ПРЕДИСЛОВІЕ

PRINTED IN RUSSI

ПРЕДИСЛОВІЕ

КЪ ПОЛНОМУ СОБРАНІЮ СОЧИНЕНІЙ

Каждый писатель, независимо отъ размѣровъ его дарованія, представляетъ нѣкую замкнутую въ себѣ монаду, какъ бы особый міръ. Міровоззрѣніе автора, все равно — сознательное или безсознательное, кругъ его интересовъ, наконецъ, его языкъ, пріемы его письма, — все это выдѣляетъ его изъ числа всѣхъ другихъ. Чѣмъ значительнѣе дарованіе писателя, тѣмъ своеобразнѣе міръ, создаваемый его творчествомъ, но даже писатели, которые не могутъ имѣть притязанія на первыя мѣста въ исторіи литературы, остаются неповторимыми единицами. Читатель, знакомый съ даннымъ авторомъ, безъ труда угадываетъ его имя по одной страницѣ, такъ какъ она сразу вводитъ его въ особую вселенную, подчиняющуюся своимъ собственнымъ законамъ, изъ которыхъ нѣкоторые не повторяются болѣе нигдѣ.

Вотъ почему настоящее понятіе о данномъ авторѣ получается не изъ знакомства съ его отдѣльными произведеніями, даже не изъ его избранныхъ работъ, а именно изъ „Полнаго собранія сочиненій". Иная вещь, слабая сама по себѣ, не удавшаяся автору, или представляющая простое подражаніе другому, — на своемъ мѣстѣ, въ Собраніи сочиненій, получаетъ смыслъ и значеніе. Недоговоренное на одной страницѣ досказывается на другой, новая мысль объясняетъ прежнюю, случайно данный образъ бросаетъ свѣтъ на созданный раньше, и т. д. Только изъ „Собранія сочи-

ненiй" обликъ писателя выступаетъ вполнѣ; отдѣльныя „сочиненiя" отражаютъ лишь отдѣльныя грани его души.

Таковъ мой взглядъ на „полныя собранiя сочиненiй" и съ такими мыслями приступаю я, по предложенiю книгоиздательства „Сиринъ", къ собранiю всего, написаннаго мною на протяженiи почти четверть-вѣковой литературной работы (въ печати мои страницы появились впервые въ 1889 г.). Я никакъ не могу раздѣлять взгляда, распространеннаго въ наши дни, что „Собранiе сочиненiй" — лишь случайный аггломератъ разныхъ сочиненiй даннаго автора. Мы теперь чуть не ежедневно видимъ, что начинающiе писатели, издавая свою первую книгу, ставятъ на ней „Собранiе сочиненiй, томъ I", а затѣмъ присоединяютъ къ ней все, что напишутъ вновь, помѣчая слѣдующiя книги томами II, III и т. д. Мы видимъ также печальные примѣры, что писатели, которые должны были бы относиться болѣе строго къ написанному ими за ихъ уже долгую жизнь, рѣшаются выпускать въ свѣтъ свои „Собранiя сочиненiй" въ видѣ простой перепечатки разныхъ своихъ книгъ, соединенныхъ въ совершенно случайномъ порядкѣ. Мнѣ всегда казалось, что въ такомъ отношенiи къ своей работѣ есть значительная доля неуваженiя къ самому себѣ и своему дѣлу.

Вотъ почему, рѣшившись впервые соединить все, написанное мною, въ формѣ „собранiя сочиненiй", я счелъ своимъ долгомъ внимательно обдумать и планъ и составъ изданiя. Я постарался расположить написанное мною въ опредѣленномъ порядкѣ, который облегчилъ бы читателю, когда собранiе будетъ закончено, — возможность понять то, что мнѣ хотѣлось сказать ему. Вмѣстѣ съ тѣмъ я рѣшилъ воспользоваться этимъ случаемъ (какъ всегда пользовался имъ раньше при переизданiи отдѣльныхъ моихъ книгъ) для того, чтобы вновь пересмотрѣть сдѣланное мною, кое-что удалить, иное, если то возможно, исправить, многое же добавить. Такимъ образомъ предлагаемое „Собранiе сочиненiй" ни въ коемъ случаѣ не будетъ простой перепечаткой длиннаго ряда изданныхъ съ моимъ именемъ книгъ: ни одна изъ нихъ не должна появиться здѣсь въ томъ самомъ видѣ, какъ

была издана раньше, — всѣ будутъ подвергнуты той или иной переработкѣ.

Къ нѣкоторымъ томамъ — это относится особенно къ сборникамъ стиховъ—я приложилъ не только „библіографическія примѣчанія“ (которыя, конечно, самому мнѣ составить было легче, чѣмъ кому-либо другому), но и небольшое собраніе „варіантовъ“, — стиховъ, которые при переизданіи отдѣльныхъ сборниковъ подвергались передѣлкамъ. Я прошу не видѣть въ этомъ излишняго авторскаго самолюбія, придающаго цѣну каждой написанной строчкѣ. Но теперь, въ годы, когда уже наступаетъ время критически отнестись къ своему прошлому, перечитывая, послѣ длиннаго промежутка времени, различныя редакціи одного и того же стихотворенія, я не всегда нахожу наиболѣе удачной послѣднюю. Правда, мнѣ удавалось исправлять явные промахи неопытной руки начинающаго стихотворца, но случалось также, незамѣтно для самого себя, уничтожать этимъ характерное одушевленіе юнаго поэта. Теперь эти разныя обработки одной и той же темы я отдаю на судъ читателей.

Впрочемъ, добавлю въ утѣшеніе г.г. библіографовъ, — если имъ когда-либо угодно будетъ обратить благосклонное вниманіе и на мои работы, — что для нихъ остается еще обширное поле дѣйствія. Приводимыя мною библіографическія замѣтки и варіанты — составляютъ ничтожную долю того, что, при желаніи, сможетъ выискать ихъ неустанное трудолюбіе въ первыхъ изданіяхъ моихъ книгъ и въ старыхъ журналахъ. Я вовсе не хочу лишать библіографовъ удовольствія открывать новые стихи Валерія Брюсова, потому что для истиннаго библіографа, конечно, все равно, хорошіе или плохіе стихи онъ „открываетъ“: важно лишь то, чтобы они были до него неизвѣстны. Эту послѣднюю шутку да простятъ мнѣ мои читатели, припомнивъ слова Шопенгауера, что „для шутки въ нашей сплошь двусмысленной жизни едва ли можетъ быть слишкомъ серьезна какая бы то ни была страница“.

Мартъ, 1913. Валерій Брюсовъ.

ПРЕДИСЛОВІЕ КЪ I ТОМУ.

I томъ моего „Собранія сочиненій" образуютъ стихи, написанные мною между 1892 — 1899 г.г. Болѣе ранніе изъ нихъ никогда не были собраны въ отдѣльной книгѣ и въ печати появлялись только въ сборникахъ „Русскіе символисты (1894—1895 г.г.). Болѣе поздніе были собраны въ двухъ изданіяхъ книги „Chefs d'Œouvre" (1895 и 1896 г.), въ книгѣ „Me eum esse" (1897 г.) и въ сборникѣ „Книга Раздумій" (1899 г.), а также частью перепечатаны въ I томѣ собранія моихъ стиховъ, вышедшаго (въ 3 томахъ) подъ заглавіемъ „Пути и Перепутья" (1908 г.).

Въ основу настоящаго собранія положены мною слѣдующіе принципы:

1) Въ собраніе включены всѣ стихи, даннаго періода, уже появлявшіеся гдѣ-либо въ печати (кромѣ нѣсколькихъ, совершенно незначительныхъ пьесъ).

2) Къ нимъ присоединены тѣ стихи, еще не бывшіе въ печати, которые въ свое время не были напечатаны по какимъ-либо случайнымъ причинамъ, „важнымъ для автора, но не имѣющимъ значенія для читателей".

3) Въ отдѣлѣ „варіантовъ" помѣщены полностью тѣ стихотворенія, которыя подвергались, при переизданіи, значительнымъ передѣлкамъ, часто совершенно ихъ видоизмѣнявшимъ, и тѣ разночтенія отдѣльныхъ стиховъ, которыя или кажутся мнѣ теперь удачнѣе позднѣйшихъ исправленій, или слишкомъ значительно разнятся отъ нихъ.

4) При каждомъ стихотвореніи указанъ годъ, когда оно было написано.

Я не счелъ возможнымъ расположить всѣ стихи въ строго-хронологическомъ порядкѣ. Каждый изъ изданныхъ мною сборниковъ стиховъ составляетъ опредѣленное цѣлое и по содержанію, и по своему архитектурному строенію. Мнѣ было жаль разрушать эти живые организмы ради мертвой схемы хронологической послѣдовательности. Впрочемъ, каждый сборникъ обнимаетъ небольшой періодъ времени, такъ что въ сущности порядокъ времени въ этомъ изданіи сохраненъ.

Въ этотъ томъ вошло около 90 стихотвореній, которыя не были включены въ изданіе „Пути и Перепутья", въ томъ числѣ около 40, появляющихся въ печати впервые.

Валерій Брюсовъ.

P. S. Издательство нашло интереснымъ приложить къ этому тому мой портретъ, относящійся къ 1899 г., и факсимиле моего почерка того же времени.

Неизвѣстной, ослѣпленной, странной,
Я изнывал безмѣрное счастье —
Наслаждаться мечтой несказанной
И свободным восторгам безстрастья.

Валерий Брюсов.

Янв. 96г. Киеловдск.

JUVENILIA

ЮНОШЕСКІЯ СТИХОТВОРЕНІЯ

1892 — 1894

ИЗДАНІЕ ПЕРВОЕ

Памяти Елены К.

ПРОЛОГЪ.

Parler n'a trait à la réalité des choses que commercialement.

St. Mallarmé.

I.

СОНЕТЪ КЪ ФОРМѢ.

Есть тонкія властительныя связи
Межъ контуромъ и запахомъ цвѣтка.
Такъ бриллiантъ невидимъ намъ, пока
Подъ гранями не оживетъ въ алмазѣ.

Такъ образы измѣнчивыхъ фантазій,
Бѣгущіе, какъ въ небѣ облака,
Окаменѣвъ, живутъ потомъ вѣка
Въ отточенной и завершенной фразѣ.

И я хочу, чтобъ всѣ мои мечты,
Дошедшіе до слова и до свѣта,
Нашли себѣ желанныя черты.

Пускай мой другъ, открывши томъ поэта,
Упьется въ немъ и прелестью сонета
И буквами спокойной красоты!

1894.

II.

ОСЕННЕЕ ЧУВСТВО.

Гаснутъ розовыя краски
Въ блѣдномъ отблескѣ луны;
Замерзаютъ въ льдинахъ сказки
О страданіяхъ весны;

Свѣтлыхъ вымысловъ развязки
Въ черный крепъ облечены,
И на празднествахъ всѣ пляски
Ликомъ смерти смущены.

Подъ лучами юной грезы
Не цвѣтутъ созвучій розы
На куртинахъ Красоты,

И сквозь окна сновъ безсвязныхъ
Не встрѣчаютъ звѣздъ алмазныхъ
Утомленныя мечты.

1892.

III.

САМОУВѢРЕННОСТЬ.

Золотистыя феи
Въ атласномъ саду!
Когда я найду
Ледяныя аллеи?

Влюбленныхъ наядъ
Серебристые всплески!
Гдѣ ревнивыя доски
Вамъ путь преградятъ?

Непонятныя вазы
Огнемъ озаря,
Застыла заря
Надъ полетомъ фантазій.

За мракомъ завѣсъ
Погребальныя урны,
И не ждетъ сводъ лазурный
Обманчивыхъ звѣздъ.

1892.

IV.

УНЫНІЕ.

Сердце, полное уныніемъ,
Обольсти лучемъ любви,
Всѣ предѣлы и всѣ линіи
Безпощадно оборви!

Пусть во мракѣ неувѣренномъ
Плачутъ призраки вокругъ,
Пусть иду, въ пути затерянный,
Черезъ темный, страшный лугъ.

И тогда, обманамъ преданный,
Счастливъ грезою своей,
Буду пѣть мой гимнъ невѣдомый,
Скалы движа, какъ Орфей!

1893.

V.

ТВОРЧЕСТВО.

Тѣнь несозданныхъ созданій
Колыхается во снѣ,
Словно лопасти латаній
На эмалевой стѣнѣ.

Фіолетовыя руки
На эмалевой стѣнѣ
Полусонно чертятъ звуки
Въ звонко-звучной тишинѣ.

И прозрачные кіоски,
Въ звонко-звучной тишинѣ,
Выростаютъ, словно блестки
При лазоревой лунѣ.

Всходитъ мѣсяцъ обнаженный,
При лазоревой лунѣ...
Звуки рѣютъ полусонно,
Звуки ластятся ко мнѣ.

Тайны созданныхъ созданій
Съ лаской ластятся ко мнѣ,
И трепещетъ тѣнь латаній
На эмалевой стѣнѣ.

1894.

VI.

О закрой свои блѣдныя ноги.

1894.

VII.

Умеръ великій Панъ.

Она въ густой травѣ запряталась ничкомъ,
Еще полна любви, уже полна стыдомъ.
Ей слышенъ трубный звукъ: то императоръ плѣнный
Выноситъ варварамъ регаліи Равенны;
Ей слышенъ чей-то стонъ, — какъ будто плачетъ лѣсъ;
То голоса ли нимфъ, то голосъ ли небесъ,
Но внемлютъ вмѣстѣ съ ней безмолвныя поляны:
Богиня умерла, нѣтъ болѣе Діаны!

1894.

VIII.

УЧЕНЫЙ.

Посвящ. В. М. Ф.

Вотъ онъ стоитъ, въ блестящемъ ореолѣ,
Въ заученной, иконописной позѣ.
Его рука протянута къ мимозѣ,
У ногъ его цитаты древнихъ схолій.

Уйдемъ въ мечту! Нашъ міръ — фатаморгана,
Но правда есть и въ призрачномъ оазѣ:
То — міръ земли на высотѣ фантазій,
То — братъ Ормуздъ, обнявшій Аримана!

1894.

ОТВЕРЖЕННЫЙ ГЕРОЙ.

Памяти Дениса Папина.

Въ серебряной пыли полуночная влага
Плѣняетъ отдыхомъ усталыя мечты,
И въ зыбкой тишинѣ рѣчного саркофага
Отверженный герой не слышитъ клеветы.

Не проклинай людей! Настанетъ трепетъ, стоны
Вновь будутъ искренни, молитвы горячи,
Смутится яркій день, — и солнечной короны
Заблещутъ въ полутьмѣ священные лучи!

1894.

IX.

Господи! Господи!
Блуждаю одинъ, какъ челнокъ,
Безумцемъ въ туманъ направляемый,
Одинъ, безъ любви, сожигаемый
Мучительнымъ пламенемъ грезъ!

О, страшно стоять одному
На кручи заоблачной,
Стоять одному въ безпредѣльности!
Туманы проходятъ у ногъ,
Орлы ко мнѣ рѣдко возносятся,
Какъ плѣсень, у грани снѣговъ, умирающій мохъ.

Есть блаженство — не знать и забыть!
Есть блаженство — въ толпѣ затеряться!
Есть блаженство — скалой неоформленной быть
И мхомъ, этимъ мхомъ умирающимъ!

О, зачѣмъ я не сумрачный мохъ!
О, зачѣмъ я не камень дорожный!
Еслибы былъ я пурпуровымъ макомъ!
Какъ на стеблѣ я сладко качался бъ!
Съ бабочкой, сѣвшей на вѣнчикъ, качался,
Свѣтомъ зари наслаждался,
Солнцемъ, и тѣнью, и мракомъ!

О, еслибы былъ я пурпуровымъ макомъ!
О, еслибы былъ я камнемъ дорожнымъ!

1894.

ПЕРВЫЯ МЕЧТЫ.

Es ist eine alte Geschichte

H. Heine.

I.

Мы встрѣтились съ нею случайно,
И робко мечталъ я объ ней,
Но долго завѣтная тайна
Таилась въ печали моей.

Но разъ въ золотое мгновенье
Я высказалъ тайну свою;
Я видѣлъ румянецъ смущенья,
Услышалъ въ отвѣтъ я „люблю".

И вспыхнули трепетно взоры,
И губы слилися въ одно.
Вотъ старая сказка, которой
Быть юной всегда суждено.

1892.

II.

Это было? Неужели?
Нѣтъ! и быть то не могло.
Звѣзды рдѣли на постели,
Было въ сумракѣ свѣтло.

Обвивались нѣжно руки,
Губы падали къ губамъ...
Этотъ ужасъ, эти муки
Я за счастье не отдамъ!

Странно-нѣжной и покорной
Приникала ты ко мнѣ,—
И фонарь, сквозь сумракъ черный,
Былъ такъ явствененъ въ окнѣ.

Не фонарь,— любовь свѣтила,
Звѣзды сыпала свѣтло...
Неужели это было?
Нѣтъ! и быть то не могло!

1892.

III.

Полутемное окошко
Освѣти на мигъ свѣчей
И потомъ его немножко
Передъ лѣстницей открой.

Я войду къ тебѣ, волнуемъ
Прежнимъ трепетомъ любви;
Ты меня встрѣть поцѣлуемъ,
Снова милымъ назови.

Страстной ласкѣ мы сначала
Отдадимся горячо,
А потомъ ко мнѣ устало
Ты поникнешь на плечо.

И въ чарующей истомѣ,
Подъ покровомъ темноты,
Все для насъ потонетъ — кромѣ
Упоительной мечты.

1892.

IV.

Мечты, какъ лентами, словами
Во вздохѣ слезъ оплетены.
Мелькаютъ призраки надъ нами
И недосказанные сны.

О чемъ намъ грезилось тревожно,
О чемъ молчали мы вдвоемъ,
Воскресло тѣнью невозможной
На фонѣ блѣдно-золотомъ.

И мы дрожимъ, и мы не знаемъ...
Мы ищемъ звуковъ и границъ.
И тусклымъ лепетомъ встрѣчаемъ
Мерцанье вспыхнувшихъ зарницъ.

1892.

V.

ЗАВѢТНЫЙ СОНЪ.

Завѣтный сонъ вступаетъ на ступени;
Мгновенья дверь пріотворяетъ онъ...
Вотъ на стѣнѣ смѣшались обѣ тѣни,
И въ зеркалѣ (стыдливость наслажденій!)
Рядъ отраженій затемненъ.

О не жалѣй, что яркость поблѣднѣла!
Когда-нибудь, въ печальной смѣнѣ лѣтъ,
Вернется все,— и не погаснетъ свѣтъ,
И въ зеркалѣ, заученно и смѣло,
Приникнетъ къ тѣлу тѣло.

1892.

VI.

ИЗЪ ПИСЬМА.

Милый, прости, что хочу повторять
Прежнихъ влюбленныхъ обѣты.
Рѣчи знакомыя — новы опять,
Если любовью согрѣты.

Милый, я знаю: ты любишь меня,
И объ одномъ всѣ моленья,—
Жить, умереть, это счастье храня,
Свѣтлой любви увѣренья.

Милый, но, если и новой любви
Ты посвятишь свои грезы,
Въ воспоминаніяхъ счастьемъ живи,
Мнѣ же оставь наши слезы.

Пусть для тебя эта юная даль
Будетъ прекрасной, какъ нынѣ.
Мнѣ же, мой милый, тогда и печаль
Станетъ завѣтной святыней.

1892.

VII.

ВЕЧЕРОМЪ ПЕРЕДЪ ЦЕРКОВЬЮ.

Черной полоскою крестъ
Тонетъ въ темнѣющемъ фонѣ;
На голубомъ небосклонѣ
Сонмъ зажигается звѣздъ.

Символъ любви человѣка
Чтó, съ обаяньемъ своимъ!
Передъ глаголомъ святымъ,
Даннымъ вселенной отъ вѣка!

Такъ не потерей зови,
Что опочила въ покоѣ!
То уступаетъ земное
Звѣздамъ небесной любви.

1892.

НОВЫЯ ГРЕЗЫ.

Такъ деревцо свои листы
Мѣняетъ каждою весною.

А. Пушкинъ.

I.

Мрачной павиликой
Поросли кресты,
А внизу цвѣты
Съ красной земляникой.

Въ памяти вдали
Рой былыхъ желаній;
Павиликой ранней
Думы поросли.

А мечты все тѣ же
Въ блескѣ молодомъ
Манятъ подъ крестомъ
Земляникой свѣжей.

1892.

II.

Безпощадною орбитой
Увлеченъ отъ прежнихъ грезъ,
Я за бездною открытой
Вижу солнечный хаосъ.

Тамъ твореній колебанье,
Вдохновенная вражда;
Здѣсь холодное молчанье,
Незнакомая звѣзда.

И, горящею кометой
На безжизненномъ пути,
Я шепчу слова привѣта,
Какъ послѣднее прости.

1892.

III.

Въ тѣни задремавшаго парка
„Люблю“ мнѣ шепнула она.
Луна серебрилась такъ ярко,
Такъ зыбко дрожала волна.

Но мигъ этотъ не былъ желаннымъ,
Мечты мои рѣяли прочь,
И все мнѣ казалось обманнымъ,
Банальнымъ, какъ лунная ночь.

Сливая уста въ поцѣлуѣ,
Я помнилъ далекіе сны,
Другія сверкавшія струи,
Иное мерцанье луны.

1892.

IV.

Звѣздное небо безстрастное,
Міръ въ голубой тишинѣ;
Тайна во взорѣ неясная,
Тайна невнятная мнѣ.

Чудится что-то опасное,
Трепетъ растетъ въ глубинѣ; —
Небо безмолвно, прекрасное,
Міръ неподвиженъ во снѣ.

1892.

V.

Звѣзды тихонько шептались,
Звѣзды смотрѣли на насъ.
Милая, вѣрь мнѣ, — въ тотъ часъ
Звѣзды надъ нами смѣялись.

Спрашивалъ я: „не мечта ли?"
Ты отвѣчала мнѣ: „да!"
Вѣрь, дорогая, тогда
Оба съ тобою мы лгали.

1892.

VI.

Звѣзды закрыли рѣсницы,
Ночь завернулась въ туманъ;
Тянутся грезъ вереницы,
Въ сердцѣ любовь и обманъ.

Кто-то во мракѣ тоскуетъ,
Чьи-то рыданья звучатъ;
Память былое рисуетъ,
Въ сердцѣ — насмѣшка и ядъ.

Тѣни забытой упреки...
Ласки недавней обманъ...
Звѣзды нѣмыя далеки,
Ночь завернулась въ туманъ.

1892.

VII.

Слезами блестящіе глазки
И губки, что жалобно сжаты,
А щечки пылаютъ отъ ласки
И кудри запутанно-смяты.

Въ объятьяхъ — безсильно покорна,
Устало потуплены взоры,
А слезъ брилліанты упорно
Лепечутъ нѣмые укоры.

1893.

VIII.

МЕЧТЫ О ПОМЕРКШЕМЪ.

Мечты о померкшемъ, мечты о быломъ,
Къ чему вы теперь? Неужели
Съ вѣнкомъ флеръ-д'оранжа, съ вѣнчальнымъ вѣнкомъ
Сплели стебельки иммортели?

Мечты о померкшемъ, мечты о быломъ,
Къ чему вы на брачной постели
Повисли гирляндой во мракѣ ночномъ,
Гирляндой цвѣтовъ иммортели?

Мечты о померкшемъ, мечты о быломъ,
Къ чему вы душой овладѣли,
Къ чему вы трепещете въ сердцѣ моемъ.
На брачной веселой постели?

1893.

IX.

ЗМѢИ.

Приникни головкой твоей
Ко мнѣ на холодную грудь
И дай по плечамъ отдохнуть
Извилистымъ змѣямъ кудрей.

Я буду тебя цѣловать,
Шептать бредъ взволнованныхъ грезъ,
Скользящія пряди волосъ
Сплетать и опять расплетать...

И я позабуду на мигъ
Сомнѣній безжалостный гнетъ,
Пока изъ кудрей не мелькнетъ
Змѣи раздвоенный языкъ.

1893.

X.

ВЪ САДУ.

Не дремлютъ тѣни,
Не молкнетъ садъ;
Слова сомнѣній —
Созвѣздій взглядъ!
Пусть ропщутъ струи,
Пусть плачетъ прудъ, —
Такъ поцѣлуи,
Прильнувъ, солгутъ!
Пусть, глянувъ, канетъ
Въ аллеѣ свѣтъ, —
Мелькнувъ, обманетъ
Любви обѣтъ!
И пусть въ истомѣ
Трепещешь ты, —
Все блѣдно, кромѣ
Одной мечты!

1894.

ЛИРИЧЕСКІЯ ПОЭМЫ.

I.

ВСТРѢЧА ПОСЛѢ РАЗЛУКИ.

Забытая, былая обстановка:
Заснувшій паркъ, луны застывшій свѣтъ,
И у плеча смущенная головка.

Когда-то ей шепталъ я (въ волнахъ лѣтъ)
Признанія, звучавшія, какъ слезы,
Въ тиши ловя ласкающій отвѣтъ.

Но такъ давно,— по волѣ скучной прозы,—
Мы разошлись, и только въ мірѣ тьмы
Ея лицо мнѣ рисовали грезы.

Зачѣмъ же здѣсь, какъ прежде, рядомъ мы,
Въ объятіяхъ, сплетая жадно руки,
Подъ тѣнями сосновой бахромы!

Зачѣмъ года проносятся, какъ звуки,
Зачѣмъ въ мечтахъ туманятся года,
И вотъ ужъ нѣтъ, и не было разлуки!

По синевѣ катилася звѣзда,
Когда она шепнула на прощанье:
„Твоя! твоя! опять и навсегда!“

Я шелъ одинъ; дремали изваянья
Нѣмыхъ домовъ и призраки церквей;
И думалъ я, какъ лживо ожиданье.

О, бардъ любви, далекій соловей,
О, лунный свѣтъ, всегда необычайный,
О, бахрома нависнувшихъ вѣтвей!

Вы создали плѣнительныя тайны,
Вы подсказали пламенную ложь,
Мой страстный бредъ, красивый, но случайный:

Ищу въ себѣ — томительную дрожь,
Роптаніе живительныхъ предчувствій...
Нѣтъ! прочь слова! себѣ ты не солжешь!

Сокровища, заложенныя въ чувствѣ,
Я берегу для творческихъ минутъ,
Ихъ отдаю лишь въ строфахъ, лишь въ искусствѣ.

А въ жизни я — какъ выпитый сосудъ;
Томлюсь, дрожа, весь холоденъ, ликуя,
Огни страстей лишь вспыхнутъ, какъ умрутъ.

Дитя, прости обманы поцѣлуя:
Я лгу, моля, твердя „люблю“, я лгу.
Нѣтъ, никого на свѣтѣ не люблю я,

И никого любить я не могу!

1894.

II.

ОСЕННІЙ ДЕНЬ.

1.

Ты помнишь ли больной осенній день,
Случайное свободное свиданье,
Расцвѣтъ любви въ періодъ увяданья,
Лучи, когда вокругъ ложится тѣнь?

Насъ мучила столицы суматоха,
Хотѣлось прочь отъ улицъ и домовъ,—
Куда-нибудь въ безмолвіе лѣсовъ,
Къ молчанію невнемлющаго моха.

Нѣтъ, ни любовь, ни осень не могли
Затмить въ сердцахъ созвучное стремленье!
Нѣтъ, никогда не разорвутся звенья
Между душой и прелестью земли!

2.

Ты помнишь ли мученія вокзала,
Весь этотъ міръ и прозы и минутъ,
И наконецъ привѣтливый пріютъ,
Неясныхъ грезъ манящее начало.

Ты помнишь ли,— я бросился у ногъ,
Я голову склонилъ въ твои колѣни,
Я видѣлъ сонъ мерцающихъ видѣній,
Я оскорбить молчаніе не могъ.

Боялись мы отдаться поцѣлуямъ,
Мы словно шли по облачной тропѣ,
И этотъ часъ въ застѣнчивомъ купэ
Для полноты былъ въ жизни неминуемъ.

3.

Не знаю я — случайно или нѣтъ
Былъ избранъ путь, моей душѣ знакомый...
Какою вдругъ мучительной истомой
Повѣялъ мнѣ былого первый слѣдъ.

Выходимъ мы: знакомое мнѣ поле,
И озеро, и пожелтѣвшій садъ,
И дачъ пустыхъ осиротѣлый рядъ,
И все кругомъ... О Леля! Леля! Леля!

Да, это здѣсь росла моя любовь,
Межъ тополей, подъ кудрями березы,
У этихъ мѣстъ уже бродили грезы...
Я снова здѣсь, и здѣсь люблю я вновь.

4.

Вошли мы въ лѣсъ, ища уединенья.
Сухой листвы раскинулся коверъ, —
И я поймалъ твой мимолетный взоръ:
Онъ былъ въ тотъ мигъ улыбкой восхищенья.

Рука съ рукой въ лѣсу бродили мы,
Встрѣчая грязь, переходя канавы,
Ломали сучья, мяли сушь и травы,
Смѣялись мы надъ призракомъ зимы.

И, подойдя къ исписанной скамейкѣ,
Мы сѣли тамъ и любовались всѣмъ,
Какъ хорошо, тепло, какъ воздухъ нѣмъ,
Какъ въ вышинѣ спятъ облачныя змѣйки!

5.

Въ безмолвіи слова такъ хороши,
Такъ дороги въ уединеньи ласки,
И такъ блестятъ возлюбленные глазки
Осеннимъ днемъ, въ осмѣянной глуши.

Кругомъ болѣзнь, упрямыя вороны,
Столбы березъ, осины багрянецъ,
За дымкою мучительный конецъ,
Въ молчаніи томительные стоны.

Однимъ лишь намъ—душистая весна,
Однимъ лишь намъ—душистыя фіалки!
И плачетъ лѣсъ, завистливый и жалкій,
И внемлетъ намъ сквозь слезы тишина.

6.

Мы перешли на старое кладбище,
Гдѣ ждали насъ холодные кресты.
Почіютъ здѣсь безумныя мечты,
И здѣсь душа прозрачнѣе и чище.

Склонились мы надъ маленькимъ крестомъ,
Гдѣ скрыто все, мнѣ вѣчно дорогое,
И гдѣ она оставлена въ покоѣ
Привѣтствіемъ и дерзостнымъ судомъ.

И долго я надъ юною могилой,
Обнявши крестъ, томился недвижимъ;
И ты, мой другъ, ты плакала надъ нимъ,
Надъ образомъ моей забытой милой.

7.

Еще сильнѣй я полюбилъ тебя
За этотъ мигъ, за слезы, эти слезы!
Забыла ты ревнивыя угрозы,
Соперницу ласкала ты любя!

Я чувствовалъ, что съ сердцемъ отогрѣтымъ
Мы кладбище оставили вдвоемъ.
Горѣлъ закатъ оранжевымъ огнемъ,
Востокъ синѣлъ лилово-страннымъ свѣтомъ.

Мы снова шли, и шли какъ прежде мы
Къ великому, безбрежному сближенью,
Чужды опять лѣсовъ опустошенью,
Опять чужды дыханію зимы.

8.

На станціи мы поѣздъ ожидали
И выбрали завѣтную скамью,
Гдѣ Лелѣ я проговорилъ „люблю",
Гдѣ мнѣ „люблю" послышалось изъ дали.

Луна плыла за дымкой облаковъ,
Горѣли звѣздъ алмазные каменья,
Въ нѣмомъ пруду дробились отраженья,
А на душѣ лучи сверкали сновъ.

То былъ ли бредъ, опять воспоминанья,
Прошедшее, воскресшее во мнѣ!
Слова любви шепталъ ли я во снѣ
Иль на яву я повторялъ признанья?

9.

И двѣ мечты — невѣста и жена —
Въ объятіяхъ предстали мнѣ такъ живо.
Одна была, какъ осень, молчалива,
Восторженна другая, какъ весна.

Я полонъ былъ любовію къ обѣимъ,
Къ тебѣ, и къ ней, и вновь и вновь къ тебѣ,
Я сладостно вручалъ себя судьбѣ,
Таинственной надеждою лелѣемъ...

Ты помнишь ли нашъ путь назадъ сквозь тѣнь
Недавнихъ грезъ съ разлукою сліянье,
Случайное свободное прощанье,
Промчавшійся, но возвратимый день.

1894.

CHEFS D'ŒUVRE

ПЕРВАЯ КНИГА СТИХОВЪ

1894 — 1896

ИЗДАНІЕ ЧЕТВЕРТОЕ

А. Л. Миропольскому,
другу давнихъ лѣтъ

СТИХИ О ЛЮБВИ.

Amorem canat aetas prima.

А. Пушкинъ.

1. ПОЛДЕНЬ ЯВЫ.

Посв. М.

I.

ПРЕДЧУВСТВІЕ.

Моя любовь — палящій полдень Явы,
Какъ сонъ разлитъ смертельный ароматъ,
Тамъ ящеры, зрачки прикрывъ, лежатъ,
Здѣсь по стволамъ свиваются удавы.

И ты вошла въ неумолимый садъ
Для отдыха, для сладостной забавы?
Цвѣты дрожатъ, сильнѣе дышатъ травы,
Чаруетъ все, все выдыхаетъ ядъ.

Идемъ: я здѣсь! Мы будемъ наслаждаться, —
Играть, блуждать, въ вѣнкахъ изъ орхидей,
Тѣла сплетать, какъ пара жадныхъ змѣй!

День проскользнетъ. Глаза твои смежатся.
То будетъ смерть. — И саваномъ ліанъ
Я обовью твой неподвижный станъ.

1895.

II.

ПЕРЕДЪ ТЕМНОЙ ЗАВѢСОЙ.

Слова теряютъ смыслъ первоначальный,
Дыханье тайны явно для души,
Въ померкшемъ зеркалѣ твои глаза печальны,
Твой голосъ — какъ струна въ сочувственной тиши.

О погоди! — послѣдняго признанья
Нѣтъ силы вынести, нѣтъ силы взять.
Подъ сѣнью пальмы — мы два блѣдныхъ изваянья,
И нѣжитъ мнѣ чело волосъ приникшихъ прядь.

Пусть миги пролетятъ беззвучно, смутно,
Предъ темной завѣсой безвѣстныхъ дней.
Мы — двое изгнанныхъ въ пустынѣ безпріютной,
Мы — въ безднѣ вѣчности чета слѣпыхъ тѣней...

Молчаніе смутимъ мы поцѣлуемъ,
Святыню робости нарушитъ страсть.
И вновь, отчаяньемъ и счастіемъ волнуемъ,
Подъ вскрикъ любви, въ огнь рукъ я долженъ буду пасть!

1895.

III.

ИЗМѢНА.

Сегодня! сегодня! какъ странно! какъ странно!
Приникнувъ къ окошку, смотрю я во мглу.
Тяжелыя капли текутъ по стеклу,
Мерцанія въ лужахъ, дождливо, туманно.

Сегодня! сегодня! одни и вдвоемъ!
Притворно стыдливо прикроются глазки,
И я разстегну голубыя подвязки,
И мы, не смущенные, руки сплетемъ!

Мы счастливы будемъ, мы будемъ безумны!
Свободные, сильные, юные, — мы!..
Деревья бульвара киваютъ изъ тьмы,
Пролетки по камнямъ грохочутъ безшумно.

О, милый мой міръ: вотъ Бодлэръ, вотъ Верлэнъ,
Вотъ Тютчевъ, — любимыя, вѣрныя книги!
Мѣняю я васъ на блаженные миги...
О, вы мнѣ простите коварство измѣнъ!

Прощайте! прощайте! Сквозь дождь, сквозь ненастье,
Пойду, побѣгу, какъ безумецъ, какъ воръ,
И въ лужахъ мелькнетъ мой потупленный взоръ:
„Угрюмый и тусклый“ огонь сладострастья!

1895.

IV.

ТѢНИ.

Сладострастныя тѣни на темной постели окружили, легли,
притаились, манятъ.
Наклоняются груди, сгибаются спины, вѣетъ жгучій, тягучій,
глухой ароматъ.
И, безъ силы подняться, безъ воли прижаться и вдавить свои
пальцы въ округлости плечъ,
Точно трупъ наблюдаю безстыдныя тѣни въ раздражающемъ
блескѣ курящихся свѣчъ;
Наблюдаю въ мерцаньи колѣнъ изваянья, бѣломраморность
бедеръ, оттѣнки волосъ...
А дымящее пламя взвивается въ вихрѣ и сливаетъ тѣла въ
разноцвѣтный хаосъ.

О, далекое утро на вспѣненномъ взморьѣ, странно-алыя
краски стыдливой зари!
О, весенніе звуки въ серебряномъ сердцѣ и твой сказочно-
ласковый образъ, Мари!
Это утро за ночью, за мигомъ признанья, перламутрово-
чистое утро любви,
Это утро, и воздухъ, и солнце, и чайки, и вездѣ — точно
отблескъ — улыбки твои!
Озаренный, смущенный, ребенокъ влюбленный, я безсильно
плыву въ безграничности грезъ...
А дымящее пламя взвивается въ вихрѣ и сливаетъ мечты
въ разноцвѣтный хаосъ.

1895.

V.

ВСЕ КОНЧЕНО...

Все кончено, межъ нами связи нѣтъ...

А. Пушкинъ.

Эта свѣтлая ночь, эта тихая ночь,
Эти улицы, узкія, длинныя!
Я спѣшу, я бѣгу, убѣгаю я прочь,
Прохожу тротуары пустынные.
Я не въ силахъ восторга мечты превозмочь,
Повторяю напѣвы старинные,
И спѣшу, и бѣгу, — а прозрачная ночь
Стелетъ тѣни, манящія, длинныя.

Мы съ тобой разошлись навсегда, навсегда!
Что за мысль несказанная, странная!
Безъ тебя и наступятъ и минутъ года,
Вереница неясно туманная.
Не сойдемся мы вновь никогда, никогда,
О, любимая, вѣчно желанная,
Мы разстались съ тобой навсегда, навсегда...
Навсегда? Что за мысль несказанная!

Сколько сладости есть въ тайной мукѣ мечты.
Этой мукой я сердце баюкаю,
Въ этой мукѣ нашелъ я родникъ красоты,
Упиваюсь изысканной мукою.
„Никогда мы не будемъ вдвоемъ, — я и ты...“
И на грани предъ вѣчной разлукою
Я восторговъ ищу въ тайной мукѣ мечты,
Я восторгами сердце баюкаю.

1895.

2. КЪ МОЕЙ МИНЬОНѢ.

Посв. моей Миньонѣ.

1.

Утро, раннее утро. Прохлада
Нѣжитъ губы въ прозрачномъ туманѣ,
И душа, истомясь отъ желаній,
Уходящему холоду рада.

Вѣдь ты ждешь меня, крошка-Миньона?
Часъ условный: отецъ на работѣ,
Мать на рынкѣ. Въ притворной дремотѣ
Вѣдь ты внемлешь шагамъ у балкона?

Я войду, — и мы медлить не будемъ!
Лишній взглядъ — и минута пропала!
Я скользну подъ твое одѣяло,
Я прижмусь къ разбѣжавшимся грудямъ.

Здѣсь ты ночь провела. Ароматны
Испаренья желаннаго тѣла.
Требуй знаками вольно и смѣло,
Но молчи: всѣ слова непонятны!

Я хочу, чтобы ты отдавалась
Каждымъ нервомъ истомѣ влюбленной,
Чтобы ты, какъ звѣзда, истомленной,
Какъ звѣзда предъ разсвѣтомъ, осталась.

И когда, послѣ всѣхъ упоеній,
Мы на солнце посмотримъ въ тревогѣ,
Я сожму твои блѣдныя ноги,
Зацѣлую въ томленьи колѣни.

И, дыша еще слишкомъ неровно,
Ты, раздѣтая, спрыгнешь съ кровати:
Мигъ послѣднихъ, прощальныхъ объятій,
Мигъ улыбки — невинно-грѣховной!

Блещетъ солнце. Встрѣчаются люди.
Дребезжа, проѣзжаетъ телѣга.
Только въ тѣлѣ палящая нѣга,
Только въ грезахъ дрожащія груди!

1895.

II.

Да! жестоки и строги укоры!
Но тебѣ все равно вѣдь, какъ видно!
Ты закинула руки безстыдно
И безстыдно уставила взоры.

Ты молчишь. Ты стальному упорству
Предала свою дѣтскую душу.
Но я крикомъ молчанье нарушу!
Плачь! проси о пощадѣ! притворствуй!

Этотъ станъ, слишкомъ гибкій и стройный,
Эта грудь, за разрѣзомъ рубашки,
Эти плечи, колѣни и ляжки,
Одного лишь — побоевъ достойны!

Все, что нынче ласкалъ я съ любовью,
Я желалъ бы избить безпощадно!
Ахъ, какъ было бы сердцу отрадно
Видѣть всю тебя залитой кровью!

А когда бы, подъ свистъ скорпіона,
Ты ко мнѣ обратилась, стеная,
На тебя посмотрѣлъ бы тогда я,
Вотъ какъ ты сейчасъ смотришь, Миньона!

1895.

III.

Знаешь, Миньона, одинъ только разъ
Были съ тобою мы близки:
Часъ лишь одинъ былъ дѣйствительный часъ,—
Прочіе — блѣдные списки!

Свѣтъ озарилъ насъ и быстро погасъ,
Сжались извивы объятій,
Стрѣлка часовъ обозначила: „часъ"
На роковомъ циферблатѣ!

Въ этотъ лишь мигъ, лишь единственный разъ,
Видѣлъ тебя я моею!
Какъ объяснить, что покинуло насъ?
Нѣтъ, не могу, не умѣю!

Ярокъ какъ прежде, огонь твоихъ глазъ,
Ласки исполнены яда. —
Свѣтъ озарилъ насъ и быстро погасъ...
Сердце! чего жъ тебѣ надо?

Нѣтъ, не всесиленъ любовный экстазъ,
Нѣтъ мы съ тобою не близки!
Часъ лишь одинъ былъ дѣйствительный часъ.
Прочіе — блѣдные списки!

Августъ 1895.

3. ГЛУПОЕ СЕРДЦЕ.

Посв. Э.

I.

Глупое сердце, о чемъ же печалиться!
Встрѣтясь, шутили, шутя цѣловалися,
Гордой побѣдой она не похвалится,
Въ памяти счастья минуты осталися...
Глупое сердце, о чемъ же печалиться?

Тянется поле безмолвное, снѣжное,
Дремлютъ березки въ безжизненномъ инеѣ,
Небо нависло — уныло-безбрежное,
Странно неясное, сѣрое, синее,
Замерло, умерло, будто-бы снѣжное...

Глупое сердце! о чемъ же печалиться!

1895.

II.

ПОЦѢЛУИ.

Здѣсь, въ гостиной полутемной,
Подъ навѣсомъ кисеи
Такъ заманчивы и скромны
Поцѣлуи безъ любви.

Это — камень въ пѣнномъ морѣ,
Голый камень на волнахъ,
Надъ которымъ свѣтятъ зори
Въ лучезарныхъ небесахъ.

Это — спящая принцеса,
Съ ожиданьемъ на лицѣ,
Посреди глухого лѣса
Въ очарованномъ дворцѣ.

Это — маленькая фея,
Что на утренней зарѣ,
Въ свѣтѣ солнечномъ блѣднѣя,
Тонетъ въ топкомъ янтарѣ.

Здѣсь, въ гостиной полутемной
Бѣлы складки кисеи,
И такъ чисты, и такъ скромны
Поцѣлуи безъ любви.

1895.

III.

ВО МГЛѢ.

Страстно, въ безумномъ порывѣ ко мнѣ ты прижалась
Страстно . . .
Черная мгла колыхалась
Безучастно.

Что-то хотѣлось сказать мнѣ родное, святое . . .
Тщетно!
Сердце молчало въ покоѣ
Безотвѣтно.

Мягкія груди сильнѣй и сильнѣй прижимались,
Жадно —
Тѣни во мракѣ смѣялись
Безпощадно.

1895.

IV.

УТРЕННЯЯ ЗВѢЗДА.

Мы встанемъ съ тобой при свѣчахъ,
Дитя мое!
Мы встанемъ съ тобой при свѣчахъ,
Дитя мое!

На черно-безжизненный садъ,
Изъ вышины,
Послѣднія звѣзды глядятъ
И серпъ луны.

Еще не разсѣялась мгла,
И солнца нѣтъ,
Но чара ночей отошла
И брезжитъ свѣтъ.

Въ томленіи ждемъ мы, когда
Лучи свои
Торжественно броситъ звѣзда,
Звѣзда Любви.

Но все неизмѣнно вокругъ,
Дитя мое!
О плачь же со мною, мой другъ,
Дитя мое!

1895.

4. ВОСПОМИНАНІЕ
О МАЛЮТОЧКѢ КОРѢ.

I.

Умереть, умереть, умереть!
На таинственномъ фонѣ картины
Вырѣзается ярко мечеть,
Издалека кричатъ муэдзины,
Грохотъ города слышенъ вдали...
О, завѣтные звуки земли!

Озаренъ, весь въ звѣздахъ небосводъ.
Кипарисныя купы поникли.
Красный марсъ между вѣтокъ плыветъ
На послѣднемъ своемъ эпициклѣ.
Холодѣетъ скамья, словно гробъ.
Знаю, знаю свой злой гороскопъ!

Ты ко мнѣ прибѣжишь, проскользнешь,
Вся дрожа, съ бѣглой молніей взора.
И опять всю жестокую ложь
Прошепчу тебѣ, бѣдная Кора!
Мы сомкнемъ упоенно уста...
Но мнѣ все предразскажетъ мечта!

Темный садъ напоенъ, опьяненъ
Знойнымъ запахомъ розъ и жасмина.
Жизнь прекрасна, какъ сказка, какъ сонъ,
Какъ пѣвучій призывъ муэдзина.
Но какъ страшно впередъ посмотрѣть!
Умереть, умереть, умереть!

1896.

II.

Черныя тѣни узорной рѣшетки
Ясно ложатся по бѣлому снѣгу.
Тихія звѣзды — задумчиво - кротки,
Мѣсяцъ пророчитъ истому и нѣгу.
Черныя окна нѣмого собора
Смотрятъ угрюмо на бѣлое поле.
Здѣсь ты и дремлешь, малюточка Кора,
Спишь безпробудно въ холодной неволѣ!

Вижу я ночь твоей родины дальней,
Яркое небо, въ пылающихъ звѣздахъ!
(Ахъ, тамъ созвѣздія блещутъ кристальнѣй,
Ахъ, тамъ живѣй и томительнѣй воздухъ!)
Смуглая дѣвочка знойнаго Юга,
Что ты искала на Сѣверѣ слѣпо?
Счастья, въ объятіяхъ новаго друга?
Но обрѣла лишь молчаніе склепа!

Ясными рунами вписанный въ небѣ,
Я (астрологъ безпощадно - жестокій)!
Вѣрно прочелъ твой мучительный жребій,
Но утаилъ отъ тебя эти строки!
Все совершилось безжалостно - скоро:
Звѣзды родныя солгать не хотѣли!
Здѣсь ты и дремлешь, малюточка Кора,
Спишь безпробудно подъ пѣсни мятели...

1896.

КРИПТОМЕРІИ.

Мечталъ о лѣсахъ криптомерій...

I.

ВЪ НОЧНОЙ ПОЛУМГЛѢ.

Въ ночной полумглѣ, въ атмосферѣ
Пьянящихъ, томящихъ духовъ,
Смотрѣлъ я на синій альковъ,
Мечталъ о лѣсахъ криптомерій.

И вотъ — я лежу въ полуснѣ
На мху первобытнаго бора;
Съ мерцаньемъ прикрытаго взора
Подруга прильнула ко мнѣ.

Мы тѣшились оба охотой:
Гонялись за пестрымъ дроздомъ.
Потомъ, утомленно, вдвоемъ
Забылись недолгой дремотой.

Но чу! что за шелестъ ліанъ?
Опять вау-вау проказа?
Нѣтъ, нѣтъ! два блестящіе глаза...
Подруга! мой лукъ! мой колчанъ!

Встревоженный шопотъ: „Валерій!
Ты бредишь. Скажи, что съ тобой?
Мнѣ страшно!“ — Альковъ голубой
Смѣняетъ хвою криптомерій.

1895.

II.

ОПЯТЬ СОНЪ.

Мнѣ опять приснились дебри,
Глушь пустынь, заката тишь.
Желтый левъ крадется къ зебрѣ
Черезъ травы и камышъ.

Предо мной стволы упрямо
Въ небо вѣтви вознесли.
Слышу шагъ гипопотама,
Заросль мнущаго вдали.

На утесѣ безопасенъ,
Весь я — зрѣнье, весь я — слухъ.
Но видѣнья старыхъ басенъ
Возмущаютъ слабый духъ.

Крылья огненнаго змѣя
Не затмятъ ли вдругъ закатъ?
Не взлетитъ ли, искры сѣя,
Онъ надъ нами, смерти радъ?

Изъ камней не выйдетъ вдругъ ли
Племя карликовъ ко мнѣ?
Обращая вѣтки въ угли,
Лѣсъ не встанетъ ли въ огнѣ?

Мѣсяцъ вышелъ. Громче шорохъ.
Зебра мчится вдалекѣ.
Левъ, взрывая листьевъ ворохъ,
Тупо тянется къ рѣкѣ.

Дали сумрачны и глухи.
Хрустъ слышнѣе. Страшно. Вѣдь
Кто же знаетъ: это ль духи
Иль пещеры царь — медвѣдь!

1895.

III.

ОЖИДАНІЕ.

Душенъ воздухъ вольныхъ прерій,
Жгучи отблески лазури,
И въ палящей атмосферѣ
Чуютъ птицы, чуютъ звѣри
Приближенье дальней бури.

Но не я поддамся страху,
Но не онъ нарушитъ слово!
И рука, сдавивъ наваху,
Приготовлена ко взмаху,
На смертельный бой готова.

Чу! какъ будто смутный топотъ!
Что намъ бури! что намъ грозы!
Сердце! прочь безумный ропотъ,
Вспомни ночь и вспомни шопотъ...
Гей! сюда! я здѣсь, донъ Хозе!

1895.

IV.

НА ЖУРЧАЩЕЙ ГОДАВЕРИ.

Листъ широкій, листъ банана,
На журчащей Годавери,
Тихимъ утромъ — рано, рано —
Помоги любви и вѣрѣ!

Орхидеи и мимозы
Унося по соннымъ волнамъ,
Осуши надеждой слезы,
Сохрани вѣнокъ мой полнымъ.

И когда, въ дали тумана,
Потеряю я изъ виду
Листъ широкій, листъ банана,
Я молиться въ поле выйду;

Въ честь твою, богиня Счастья,
Въ честь твою, суровый Кама,
Серьги, кольца и запястья
Положу предъ входомъ храма.

Листъ широкій, листъ банана,
Если жъ ты обронишь ношу,
Тихимъ утромъ — рано, рано —
Амулеты всѣ я сброшу.

По журчащей Годавери
Я пойду, вѣрна печали,
И къ безумной баядерѣ
Снизойдетъ богиня Кали!

1895.

V.

НА ОСТРОВАХЪ ПАСХИ.

Раздумье знахаря - заклинателя.

Лишь только закатъ надъ волнами
Погаснетъ огнемъ запоздалымъ,
Блуждаю одинъ я межъ вами,
Брожу по разсѣченнымъ скаламъ.

И вы, въ сторонѣ отъ дороги,
Застывши на каменной грудѣ,
Стоите, недвижны и строги,
Нѣмые, громадные люди.

Лица мнѣ не видно въ туманѣ,
Но знаю, что страшно и строго.
Шепчу я слова заклинаній,
Молю неизвѣстнаго бога.

И много тревожитъ вопросовъ:
Кто создалъ семью великановъ?
Кто высѣкъ людей изъ утесовъ,
Поставилъ ихъ стражей тумановъ?

Мы кто? — Жалкій родъ безъ названья!
Добыча намъ — малыя рыбы!
Не намъ превращать въ изваянья
Камней твердогрудыя глыбы!

Иное, — могучее племя
Здѣсь грозно когда-то царило,
Но скрыло бѣгучее время
Все то, что свершилось, что было.

О прошломъ никто не споетъ намъ.
Но грозно, на каменной грудѣ,
Стоите, въ молчаньи дремотномъ,
Вы, страшные, древніе люди!

Храня океанъ и утесы,
Вы нѣмы навѣкъ, исполины!..
О еслибъ на наши вопросы
Вы дали отвѣтъ хоть единый!

И только, когда надъ волнами
Даль гаснетъ огнемъ запоздалымъ,
Блуждаю одинъ я межъ вами,
По древнимъ, разсѣченнымъ скаламъ.

1895.

VI.

ПРОКАЖЕННЫЙ.

Рисунокъ тушью.

Прокаженный молился. Дорога
Извивалась по сдвинутымъ скаламъ;
Недалеко чернѣла берлога;
Были тучи стремительны; строго
Вѣтеръ вылъ по кустамъ одичалымъ.

Диссонансъ величавыхъ мелодій —
Дальній топотъ врывался нежданно.
Конь спѣшилъ, конь летѣлъ на свободѣ,
Былъ ѣздокъ неподвиженъ и странно
Улыбался земной непогодѣ.

Вылетая къ угрюмой берлогѣ,
Шевельнулся мертвецъ, какъ въ тревогѣ.
Конь всхрапѣлъ, на дыбы приподнялся:
Въ двухъ шагахъ передъ нимъ на дорогѣ
Прокаженнаго трупъ улыбался.

1895.

VII.

СЪ КОМЕТЫ.

Помнишь эту пурпурную ночь?
Серебрилась на небѣ земля
И луна, ея старшая дочь.
Были явственно видны во мглѣ
Океаны на свѣтлой землѣ,
Цѣпи горъ, и лѣса, и поля.

И въ тоскѣ мы мечтали съ тобой:
Есть ли тамъ и мечта и любовь?
Этотъ міръ серебристо-нѣмой
Ночь за ночью освѣтитъ; потомъ
Будетъ гаснуть на небѣ ночномъ,
И одни мы останемся вновь.

Много есть у пурпурныхъ небесъ, —
О, мой другъ, о, моя красота, —
И загадокъ, и тайнъ, и чудесъ.
Много мимо проходитъ міровъ,
Но напрасны вопросы вѣковъ:
Есть ли тамъ и любовь и мечта?

1895.

ХОЛМЪ ПОКИНУТЫХЪ СВЯТЫНЬ.

Но, встрѣтивъ Холмъ Покинутыхъ Святынь...

I.

МОЯ МЕЧТА.

Моей мечтѣ любъ кругозоръ пустынь,
Она въ степяхъ блуждаетъ вольной серной.
Ей чуждъ покой окованныхъ рабынь,
Ей скученъ путь проложенный и мѣрный.
Но встрѣтивъ Холмъ Покинутыхъ Святынь,
Она дрожитъ, въ тревогѣ суевѣрной,
Стоитъ, глядитъ, не шелохнетъ травой,
И прочь идетъ съ поникшей головой.

1895.

II.

ЛЬВИЦА СРЕДИ РАЗВАЛИНЪ.

Гравюра.

Холодная луна стоитъ надъ Парсагадой.
Прозрачнымъ сумракомъ подернуты пески.
Выходитъ дочь царя, любовница тоски,
На каменный помостъ — дышать ночной прохладой.

Предъ ней знакомый міръ: аркада за аркадой;
И башни и столпы, прозрачны и легки;
Мосты, повисшіе надъ серебромъ рѣки;
Дома, и Бэла храмъ торжественной громадой...

Царевна вся дрожитъ... блестятъ ея глаза...
Рука сжимается насмѣшливо и гнѣвно...
Все ненавидитъ здѣсь печальница-царевна!

И вотъ ей видится: ночныя небеса,
Разрушенныхъ колоннъ нѣмая сереница
И посреди руинъ, — какъ тѣнь пустыни, — львица.

1895.

III.

ЖРЕЦЪ.

Бронзовая статуетка.

Далекій Сиріусъ, холодный и нѣмой!
Изъ ночи въ ночь надменно
Сверкаешь ты надъ сумрачной землей,
Царишь надъ бѣдственной вселенной.

Владыка Сиріусъ, не внемлющій мольбамъ,
Непобѣдимый мститель!
Предъ алтаремъ ненужный ѳиміамъ
Тебѣ затеплилъ твой служитель.

Ты чуждъ намъ, Сиріусъ! но твой холодный лучъ
Сжигаетъ наши жатвы.
Губи меня! и отравляй! и мучь!
И отвергай съ презрѣньемъ клятвы!

Тебѣ, о, Сиріусъ, не знающій людей,
Я возношу моленья,
Среди толпы, и въ хижинѣ своей,
И въ мигъ послѣдній упоенья!

1895.

IV.

КЪ МОНАХИНѢ.

Въ Средніе Вѣка.

Ты — монахиня! лилія Бога!
Ты навѣки невѣста Христа!
Это я постучалъ въ ворота,
Это я у порога!

Я измученъ, я весь истомленъ,
Я безсиленъ, я мертвъ отъ желаній.
Все вокругъ — какъ въ багряномъ туманѣ,
Все вокругъ — точно звонъ.

Выходи же! иди мнѣ навстрѣчу!
Я послѣдней любви не таю!
Я безумно тебя обовью,
Дикой лаской отвѣчу!

И мы вздрогнемъ, и мы упадемъ
И, рыдая, сплетемся, какъ змѣи,
На холодномъ полу галлереи
Въ полумракѣ ночномъ.

Но, подъ тѣмъ же таинственнымъ звономъ,
Я нащупаю горло твое,
Я сдавлю его страстно, — и все
Будетъ кончено стономъ.

1895.

V.

ВЪ СТАРОМЪ ПАРИЖѢ.

XVII вѣкъ.

Холодная ночь надъ угрюмою Сеной,
Да мѣсяцъ, блестящій въ раздробленной влагѣ,
Да трупъ позабытый, обрызганный пѣной.

Здѣсь слышала стоны и звяканья шпаги
Холодная ночь надъ угрюмою Сеной,
Смотрѣла на подвигъ любви и отваги.

И мѣсяцъ, блестящій въ раздробленной влагѣ,
Дрожалъ, негодуя, предъ низкой измѣной...
И слышались стоны, и звякали шпаги.

Но трупъ позабытый, обрызганный пѣной,
Безмолвенъ, какъ въ тихомъ, родномъ саркофагѣ.
Холодная ночь надъ угрюмою Сеной

Не помнитъ про подвигъ любви и отваги,
И мѣсяцъ, забывъ, какъ дрожалъ предъ измѣной,
Безмолвенъ, раздробленъ въ рѣчномъ саркофагѣ!

1895.

VI.

АНАТОЛІЙ.

Въ Венеціи XVIII в.

Я видѣла въ окно: на маленькой гондолѣ
Онъ уплывалъ отъ стѣнъ монастыря,
И за кормой пурпурная заря
Дрожала въ синевѣ цвѣткомъ желтофіоли.

Какъ плавно, какъ легко, какъ смѣло — Анатолій
Скользилъ весломъ по брызгамъ янтаря,
Но всплески волнъ чуть долетали съ воли
И покрывалися напѣвомъ псалтыря.

Я отошла смущенно и тревожно...
Съ толпой подругъ спустилась въ церковь я,
Но жить казалось мнѣ смѣшно и невозможно.

О Господи! да будетъ власть твоя.
Надломлены мечты, но я роптать не въ правѣ...
О сердце, замолчи... Exspectans exspectavi...

1894

VII.

ВЪ ПРОШЛОМЪ.

Ты не вѣдала словъ отреченья.
Опустивши задумчивый взоръ,
Точно въ церковь ты шла на мученья,
Обнаженной забыла позоръ.

Вся полна неизмѣнной печали,
Прислонилась ты молча къ столбу, —
И соломой тебя увѣнчали,
И клеймо наложили на лбу.

А потомъ, когда смѣли бичами
Это дѣтское тѣло терзать,
Вся въ крови поднята палачами,
„Я люблю“ ты хотѣла сказать.

1894.

VIII.

ВЪ БУДУЩЕМЪ.

Я лежалъ въ ароматѣ азалій,
Я дремалъ въ музыкальной тиши,
И скользнуло дыханье печали,
Дуновенье прекрасной души.

Гдѣ-то тамъ, на какой-то планетѣ,
Безъ надежды томилася ты,
И ко мнѣ черезъ много столѣтій
Долетѣли больныя мечты.

Уловилъ я созвучныя звуки,
Мнѣ родныя томленья постигъ,
И межъ гранями вѣчной разлуки
Мы душою слилися на мигъ.

1894.

IX.

БѢГЛЕЦЪ.

Израненной рукой схватившись за карнизъ,
Надъ темной пропастью я трепетно повисъ.

Безстрастно въ вышинѣ печалилась луна,
Стонала вдалекѣ безпечная волна,

И съ этимъ ропотомъ сливалось, въ отдаленьи,
Гитары ласковой унылое моленье.

Я посмотрѣлъ вокругъ. Высокая луна
Въ прозрачной синевѣ блѣдна и холодна.

Окно съ рѣшеткою, окно моей тюрьмы.
А тамъ... безмолвный мракъ и камни въ безднѣ тьмы!

И вспомнилъ я любовь... твое непостоянство...
И пальцы разошлись, — я кинулся въ пространство!

1894.

X.

Къ скамьѣ у мраморной цистерны
Я направлялъ свой шагъ невѣрный,
Но не дошелъ, но изнемогъ
И вдалекѣ упалъ на мохъ.

Тамъ у бассейна въ перебранкѣ
Толпились стройныя гречанки,
Но мой напрасный стонъ для нихъ
Былъ слишкомъ чуждъ и слишкомъ тихъ.

Какъ будто боль затихла въ ранѣ,
Но мой языкъ застылъ въ гортани,
И мнѣ святынею тогда
Была студенная вода.

Пытался встать я, но напрасно.
Стоналъ,— все было безучастно.
И мнѣ казалось: я иду
Въ какомъ-то призрачномъ саду.

Цвѣтутъ каштаны, манятъ розы,
Порхаютъ свѣтлыя стрекозы,
И передъ роскошью куртинъ
Безстрастно дышитъ бальзаминъ.

А вмѣстѣ съ тѣмъ — воды ни капли!
Колодцы видимо изсякли,
И, русла обнаживъ свои,
Плѣняютъ камнями ручьи.

И мучимъ жаждою палящей,
Брожу я по тернистой чащѣ.
Вотъ снова въ пыткѣ изнемогъ,
Опять упалъ на мягкій мохъ.

Что мнѣ до всѣхъ великолѣпій!
Мой садъ безъ влаги — хуже степи!
Воды! воды! — и тщетный стонъ
Холоднымъ эхо повторенъ.

1894.

БУДНИ.

Въ тусклыхъ дняхъ унылой прозы . . .

I.

ТУМАННЫЯ НОЧИ.

Вся дрожа, я стою на подъѣздѣ
Передъ дверью, куда я вошла наканунѣ,
И въ печальныя строфы слагаются буквы созвѣздій.
О, туманныя ночи въ палящемъ іюнѣ!

Тамъ, вотъ тамъ, на закрытой террасѣ
Надо мной наклонялись зажженныя очи,
Дорогія черты, искаженныя въ страстной гримасѣ.
О, туманныя ночи! туманныя ночи!

Вотъ и тайна земныхъ наслажденій...
Но такой ли ее я ждала наканунѣ!
Я дрожу отъ стыда—я смѣюсь! Вы солгали мнѣ, тѣни!
Вы солгали, туманныя ночи въ іюнѣ!

1895.

II.

ПОДРУГИ.

Три женщины, грязныя, пьяныя,
Обнявшись, идутъ и шатаются.
Дрожатъ колокольни туманныя,
Кресты у церквей наклоняются.

Заслышавши рѣчи безсвязныя,
На хриплыя пѣсни похожія,
Смѣются извозчики праздные,
Сторонятся грубо прохожіе.

Идутъ онѣ, грязныя, пьяныя,
Поютъ свои пѣсни, ругаются...
И горестно церкви туманныя
Предъ ними крестами склоняются.

1895.

III.

ПЕРВЫЙ СНѢГЪ.

Серебро, огни и блестки, —
Цѣлый міръ изъ серебра!
Въ жемчугахъ горятъ березки,
Черно-голыя вчера.

Это — область чьей-то грезы,
Это — призраки и сны!
Всѣ предметы старой прозы
Волшебствомъ озарены.

Экипажи, пѣшеходы,
На лазури бѣлый дымъ,
Жизнь людей и жизнь природы
Полны новымъ и святымъ.

Воплощеніе мечтаній,
Всемогущаго игра,
Этотъ міръ очарованій,
Этотъ міръ изъ серебра!

1894.

IV.

ОДНА.

Въ этотъ свѣтлый вечеръ мая,
Въ этотъ часъ весеннихъ грезъ,
Матерь Бога пресвятая,
Дай отвѣтъ на мой вопросъ.

Тамъ теперь сгустились тѣни,
Тамъ поднялся ароматъ,
Тамъ онъ ждетъ въ тоскѣ сомнѣній,
Смотритъ въ темень наугадъ.

Поцѣлуи, ласки, рѣчи
И сквозь слезы сладкій смѣхъ...
Неужели эти встрѣчи —
Только сѣти, только грѣхъ?

Въ тусклыхъ дняхъ унылой прозы,
Нежеланнаго труда,
Часъ свиданья видятъ грезы,
Свѣтитъ дальняя звѣзда.

Неужели искру рая
Погасить и встрѣтить ночь?
Матерь Бога пресвятая,
Ты сумѣешь мнѣ помочь!

Ты услышишь, Матерь-Дѣва,
Горькій дѣвичій вопросъ
И отвѣтишь мнѣ безъ гнѣва
Въ этотъ часъ весеннихъ грезъ.

1894.

V.

ОДНА.

Нѣтъ мнѣ въ молитвѣ отрады,
Боже мой, какъ я грѣшна!
Даже съ мерцаньемъ лампады
Борется свѣтомъ луна.

Даже и въ дѣвичей спальнѣ
Помнится дремлющій садъ,
А изъ кіотовъ печальнѣй
Лики святые глядятъ.

Боже, зачѣмъ искушенье
Ты въ красотѣ создаешь!
Въ лунномъ нѣмомъ освѣщеньи
Былъ онъ такъ дивно хорошъ.

Тихо склонялися клены,
Съ неба скользнула звѣзда...
Здѣсь передъ свѣтомъ иконы
Вся я дрожу отъ стыда.

Сжалься, отецъ правосудный,
Дай утѣшенье въ тоскѣ...
Въ лунныхъ лучахъ изумрудный
Лугъ опускался въ рѣкѣ.

Шли мы дорожкой... и словно
Я отвѣчала „люблю"...
Боже мой, какъ я грѣховна,
Чѣмъ я свой грѣхъ искуплю!

1894.

VI.

ВЪ ВЕРТЕПѢ.

Въ сіяющемъ изысканномъ вертепѣ,
Подъ музыку, сулившую канканъ,
Я задремалъ, поникнувъ на диванъ,
И вдругъ себя увидѣлъ въ черномъ склепѣ.

Вокругъ стоялъ мучительный туманъ, —
Въ окно неслось благоуханье степи.
Я встать хотѣлъ, — мѣшала боль отъ ранъ,
И на ногахъ задребезжали цѣпи.

И что-то вдругъ такъ ясно стало мнѣ,
Что горько я заплакалъ въ полуснѣ,
Что плакалъ я, смущенно просыпаясь.

Опять звенитъ приманчиво рояль,
Мой странный сонъ блѣднѣетъ, расплываясь,
Но мнѣ еще — кого-то — смутно — жаль...

1894.

VII.

ОСУЖДЕННАЯ ЖРИЦА.

Одна изъ осужденныхъ жрицъ,
Я наблюдаю изъ кровати
Калейдоскопъ людей и лицъ,
И поцѣлуевъ и объятій.

Вся жизнь проходитъ, какъ во снѣ,
Въ глухомъ туманѣ опьяненья,
И непонятно больше мнѣ
Святое слово: наслажденье.

И ласки юношей, и грязь
Восторговъ старчески безсильныхъ
Переношу я, не томясь,
Какъ трупъ въ объятіяхъ могильныхъ.

Желаній мигъ не для меня
И утомляться не могу я:
Даю подобіе огня,
Изображенье поцѣлуя.

И если Богъ пошлетъ мнѣ сонъ
О недоступномъ и о счастьи,—
Мнѣ про любовь не скажетъ онъ,
Мнѣ не приснится сладострастье.

Но буду вновь ребенкомъ я
Подъ бѣлымъ пологомъ кроватки,
И сядетъ рядомъ мать моя,
Озарена огнемъ лампадки.

1894.

VIII.

ЛЕТУЧАЯ МЫШЬ.

Весь городъ въ серебряномъ блескѣ
Отъ блѣдно-серебряныхъ крышъ, —
А тамъ, на ея занавѣскѣ,
Повисла Летучая Мышь.

Мерцаетъ неслышно лампада,
Бѣлѣетъ открытая грудь...
Все небо мнѣ шепчетъ: „не надо",
Но Мышь повторяетъ: „Забудь!".

Покоренъ губительной власти,
Близъ оконъ брожу, опьяненъ.
Дрожатъ мои руки отъ страсти,
Въ ушахъ моихъ шумъ веретенъ.

Весь городъ въ серебряномъ блескѣ
Отъ блѣдно-серебряныхъ крышъ,
А тамъ у нея, — къ занавѣскѣ
Приникла Летучая Мышь.

Вотъ губы сложились въ заклятье...
О, дѣвы! довольно вамъ прясть!
Всѣ шумы исчезнутъ въ объятьи,
Въ твоемъ поцѣлуѣ, о, страсть!

Лицомъ на сѣдой подоконникъ,
На камень холодный упавъ,
Я вновь — твой поэтъ и поклонникъ,
Царица позорныхъ забавъ!

Весь городъ въ серебряномъ блескѣ
Отъ блѣдно серебряныхъ крышъ,
А тамъ — у нея, съ занавѣски, —
Хохочетъ Летучая Мышь!

1895.

IX.

НОЧЬЮ.

Дремлетъ Москва, словно самка спящаго страуса,
Грязныя крылья по темной почвѣ раскинуты,
Кругло-тяжелыя вѣки безжизненно сдвинуты,
Тянется шея — беззвучная, черная Яуза.

Чуешь себя въ африканской пустынѣ на роздыхѣ.
Чу! что за шумъ? не летятъ ли арабскіе всадники?
Нѣтъ! качая грузными крыльями въ воздухѣ,
То приближаются хищныя птицы — стервятники.

Падали запахъ знакомъ крылатымъ разбойникамъ,
Грозенъ голосъ близкаго къ жизни возмездія.
Встанешь, глядишь... а онѣ все кружатъ надъ покойникомъ,
Въ небѣ жъ тропическомъ ярко сверкаютъ созвѣздія.

1895.

X.

ВЪ КАМЫШАХЪ.

Луна въ облакахъ — далека, хороша.
Челнокъ неподвиженъ въ кустахъ камыша.

Дробятся лучи въ неспокойной рѣкѣ.
Задумчиво кто-то сидитъ въ челнокѣ.

Сіяетъ вѣнецъ вкругъ холодной луны.
Чей плачъ нарушаетъ покой тишины?

Въ таинственныхъ даляхъ, какъ утромъ, свѣтло.
Чу! кто-то упалъ, уронивши весло.

1895.

XI.

СУМАСШЕДШІЙ.

Чтобъ меня не увидѣлъ никто,
На прогулкахъ я прячусь, какъ трусъ,
Приподнявъ воротникъ у пальто
И на брови надвинувъ картузъ.

Я встрѣчаю нагія тѣла,
Посинѣлыя въ рыхломъ снѣгу,
Я минуты убійствъ стерегу
И смѣюсь безпощадно съ угла.

Я спускаюсь къ рѣкѣ. Подъ мостомъ
Выбираю угрюмый сугробъ.
И могилу копаю я въ немъ,
И ложусь въ приготовленный гробъ.

Загорается домъ... и другой...
Вотъ весь городъ пылаетъ въ огнѣ...
Но любуюсь на блескъ дорогой
Только я—въ ледяной тишинѣ.

А потомъ, отряхнувши пальто,
Принадвинувъ картузъ на глаза,
Я бѣгу въ неживые лѣса...
И не гонится сзади никто!

1895.

XII.

ПУРПУРЪ БЛѢДНѢЮЩИХЪ ГУБЪ.

Медленно всходитъ луна,
Пурпуръ блѣднѣющихъ губъ.
Милая, ты у окна —
Тиной опутанный трупъ.

Милая, о, наклонись...
Пурпуръ блѣднѣющихъ губъ.
Клятвы возносятся въ высь...
Тиной опутанный трупъ.

Еслибъ прижать мнѣ къ губамъ
Пурпуръ блѣднѣющихъ губъ!
Звѣзды ли падаютъ къ намъ?
Тиной опутанный трупъ.

Плачутъ кругомъ... но о чемъ?
Пурпуръ блѣднѣющихъ губъ,
А на пескѣ огневомъ
Тиной опутанный трупъ.

Вѣренъ былъ клятвѣ своей
Пурпуръ блѣднѣющихъ губъ...
Что жъ! уносите скорѣй
Тиной опутанный трупъ!

1895.

ЧАСЫ ДНЕЙ.

...и проклялъ наши дни...

I.

СОНЕТЪ КЪ МЕЧТѢ.

Ни умолять, ни плакать неспособный,
Я заперъ дверь и проклялъ наши дни.
И вотъ тогда, въ таинственной тѣни,
Явился мнѣ фантомъ женоподобный.

Онъ мнѣ сказалъ: „Ты слышишь ропотъ злобный?
Для книгъ твоихъ разложены огни.
Смирись, поэтъ! мечтанья прокляни
И напиши надъ ними стихъ надгробный!“

Властительно слова звучали, но
Томился взоръ тревогой сладострастной,
Дрожала грудь подъ чернымъ домино,

И вновь у ногъ божественно-прекрасной,
Отвергнутой, осмѣянной, родной,
Я отвѣчалъ: „Зачѣмъ же ты со мной!“

1895.

II.

МЕЧТА.

О еслибъ я могъ быть невиннымъ какъ ты,
Какъ ты — отзвукъ лазурнаго эхо! —
Безпечно видѣть твои черты,
Съ улыбкой слушать колокольчики смѣха!

Цѣлый день мы съ тобой проводили бъ вдвоемъ,
Наслаждаясь запущеннымъ садомъ,
Бѣгали бъ въ темныхъ аллеяхъ — потомъ
Отдыхать садились бы рядомъ.

Мы были бъ съ тобой двѣ сестры,
Дѣлили грезы, радость, печали,
И еслибъ столкнулись во время игры,
Струны желанья во мнѣ не дрожали бъ.

1894.

III.

ФАНТОМЪ.

Я вышелъ шатаясь. За дверью въ лицо
Рванулся вѣтеръ холодный.
Во мглѣ фонарей золотилось кольцо,
Дышали звѣзды, какъ факелъ подводный.

За мной гнался ужасный фантомъ,
Облитый ихъ жалостнымъ свѣтомъ,
Съ противнымъ, изрытымъ оспой лицомъ,
Со смѣхомъ и съ хриплымъ и гнуснымъ привѣтомъ.

Мерещилось мнѣ, въ невѣрной тѣни,
Опухшее женское тѣло,
И мерзости ласкъ, и грязь простыни,
Какимъ-то саломъ давно пропотѣлой.

За мною смѣялся ужасный фантомъ,
Бѣжалъ я сквозь сумракъ холодный...
Вдали фонари золотились кольцомъ,
Туманились звѣзды, какъ факелъ подводный.

1894.

IV.

ПОСЛѢ ГРЕЗЪ.

Я весь день, все вчера, проблуждалъ по странѣ моихъ сновъ;
Какъ больной мотылекъ, я висѣлъ на стебляхъ у цвѣтовъ;
Какъ звѣзда въ вышинѣ, я сіялъ, я лежалъ на волнѣ;
Этотъ міръ моихъ сновъ съ вѣтеркомъ цѣловалъ въ полуснѣ.
Нынче я цѣлый день все дрожу, какъ больной мотылекъ;
Цѣлый день отъ людей, какъ звѣзда въ вышинѣ, я далекъ,
И во всемъ, что кругомъ, и въ лучахъ, и во тьмѣ, и въ огнѣ,
Только сонъ, только сны, безъ конца, открываются мнѣ...

1895.

V.

Когда былые дни я вижу сквозь туманъ,
Мнѣ кажется всегда — то не мое былое,
А лишь прочитанный восторженный романъ.

И странно мнѣ теперь, въ томительномъ покоѣ,
Припомнить блескъ побѣдъ и боль зажившихъ ранъ:
И сердце, и мечты, и все во мнѣ — иное...

Напрасенъ поздній зовъ когда-то милыхъ лицъ,
Не воскресить мечты, мелькнувшей и прожитой, —
Отъ горя и любви остался рядъ страницъ!

И я иду впередъ дорогою открытой,
Вокругъ меня темно, а сзади блескъ зарницъ...
Но неизмѣненъ путь звѣзды ея орбитой.

1895.

VI.

PRO DOMO SUA.

О нѣтъ, дорогая, печали мои
Не сложатъ какъ прежде стиховъ о любви;
Изъ пламенной радуги сотканный сонъ
Давно отдаленнымъ напѣвомъ смущенъ.

Спускаются съ горъ и трубятъ трубачи,
Безстыдно по воздуху свищутъ бичи,
Съ мычаньемъ коровъ и со ржаньемъ коней
Смѣшались веселые крики дѣтей.

Я вижу дорогу: по ней безъ числа
Невинныхъ блудницъ распростерты тѣла
Въ блестящихъ браслетахъ, въ гирляндахъ изъ розъ...
И вотъ подъѣзжаетъ нестройный обозъ.

Мнѣ слышатся дикіе крики; вокругъ,
Срывая гирлянды и корчась отъ мукъ,
Красавицы молятъ, а кости хрустятъ,
И запахомъ крови смѣненъ ароматъ.

На раны безжалостно льются лучи,
Все дальше, все дальше спѣшатъ трубачи,
Едва долетаетъ и ржанье коней,
И звяканье мѣди, и говоръ дѣтей.

Потомъ все смолкаетъ. Я плачу во снѣ,
И ты, дорогая, напрасно ко мнѣ
Прильнула съ улыбкой, — назадъ не зови.
Я больше не знаю стиховъ о любви.

1894.

MEDITATIONS.

Мы, путники ночи беззвѣздной,
Искатели смутнаго рая...

I.

Хорошо одному у окна!
Небо кажется вновь голубымъ,
И для взоровъ обычна луна,
И сплетаетъ опять тишина
Вдохновенье съ раздумьемъ святымъ.

И гирлянду пылающихъ розъ
Я доброшу до тайны міровъ,
И по ней погружусь я въ хаосъ
Неизвѣданныхъ творческихъ грезъ,
Несказанныхъ таинственныхъ словъ.

Эта воля — свободна опять,
Эта мысль — какъ комета — вольна!
Все могу уловить, все могу я понять...
И не надо тебя цѣловать,
О, мой другъ, у ночного окна!

1895.

II.

Тонкой, но частою сѣткой
Завтрашній день отдѣленъ.
Міръ такъ ничтоженъ, и рѣдко
Виденъ намъ весь небосклонъ.

Въ страхѣ оглянешься: — Тѣни,
Призраки, голосъ „иди!“...
Гнутся невольно колѣни,
Плещутъ молитвы въ груди.

Плакать и биться устанешь;
Въ сердцѣ скрывая укоръ,
На небо черное взглянешь...
Съ неба скользнетъ метеоръ.

1895.

III.

Облегчи намъ страданія, Боже!
Мы, какъ звѣри, вгнѣздились въ пещеры. —
Жестко наше гранитное ложе,
Душно намъ безъ лучей и безъ вѣры.

Самоцвѣтные камни блистаютъ,
Вдаль уходятъ колоннъ вереницы,
Изъ холодныхъ щелей выползаютъ
Саламандры, ужи и мокрицы.

Наши язвы наполнены гноемъ,
Наше тѣло на падаль похоже...
О, простри надъ могильнымъ покоемъ
Покрывало послѣднее, Боже!

1895.

IV.

Свиваются блѣдныя тѣни,
Видѣнія ночи беззвѣздной,
И молча надъ сумрачной бездной
Качаются наши ступени.

Друзья! Мы спустились до края!
Стоимъ надъ разверзнутой бездной —
Мы, путники ночи беззвѣздной,
Искатели смутнаго рая.

Мы вѣрили нашей дорогѣ,
Мечтались намъ отблески рая...
И вотъ — неподвижны — у края
Стоимъ мы въ стыдѣ и тревогѣ.

Невѣрное только движенье,
Хоть шагъ по завѣтной дорогѣ, —
И нѣтъ ни стыда, ни тревоги,
И вѣчно, и вѣчно паденье!

Качается лѣстница тише,
Мерцаетъ звѣзда на мгновенье,
Послышится ль голосъ спасенья:
Откуда — изъ бездны иль свыше?

1895.

V.

Скала къ скалѣ; безмолвіе пустыни;
Тоска вѣтровъ, и раскаленный сплинъ.
Межъ надписей и праздничныхъ картинъ
Хранитъ утесъ два образа святыни.

То — демоны въ объятіяхъ. Одинъ
Глядитъ на міръ съ надменностью гордыни;
Другой склоненъ, какъ падшій властелинъ.
Внизу стихи, не стертые донынѣ:

„Добро и зло — два брата и друзья.
Имъ общій путь, ихъ жребій одинаковъ."
Неясенъ смыслъ клинообразныхъ знаковъ.

Звенятъ порой признанья соловья;
Приходитъ тигръ къ подножію утеса.
Скала молчитъ. Отвѣтамъ нѣтъ вопроса.

1895.

ЛИРИЧЕСКІЯ ПОЭМЫ.

I.

СНѢГА.

Терцины.

Луны холодные рога
Струятъ мерцанье голубое
На неподвижные луга;

Деревья-призраки — въ покоѣ;
Не вздрогнетъ подо льдомъ вода.
Зачѣмъ, зачѣмъ насъ въ мірѣ двое!

„Увы, Марія, навсегда
„Погасли зори золотыя,
„Любовь скатилась, какъ звѣзда.

„Скажи, зачѣмъ, какъ въ дни былые,
„Мы вмѣстѣ? Мы въ долинѣ сна?
„Скажи, мы — призраки, Марія?"

Съ высотъ мерцанье льетъ луна,
По снѣгу вдаль уходятъ тѣни,
Отвѣтъ вопросамъ — тишина.

„Скажи, ты помнишь — наслажденій
„Крутящій, неистомный пылъ,
„Часы любви въ безумной смѣнѣ?

„Твой замеръ взоръ, твой взоръ застылъ,
„Дышалось астрами и садомъ,
„Въ окно осенній воздухъ плылъ...

„Ты помнишь?“ Голубымъ каскадомъ
Луна струитъ холодный блескъ,
И мы скользимъ въ молчаньи рядомъ.

„А это утро! Тихій плескъ
„Рѣки на отмели песчаной,
„Кузнечиковъ безпечный трескъ,

„Съ полей восторгъ благоуханный!
„Подъ яркой, лѣтней синевой,
„До чреслъ разоблаченной, странной,

„Я прошепталъ тебѣ: я — твой!
„Ты помнишь?“ Синевой одѣта
Луна надъ далью снѣговой.

Мой голосъ умеръ безъ отвѣта.
Идемъ мы, двое, въ тишинѣ,
Подъ чарой голубого свѣта.

„А день весенній! Какъ во снѣ
„Сіялъ намъ праздникъ первой встрѣчи.
„Сказалось все — тебѣ и мнѣ,

„Безъ ласкъ, безъ клятвъ, безъ словъ, безъ рѣчи,
„И какъ вѣнчальные огни
„Затеплились на еляхъ свѣчи!

„Святыня — тѣ былые дни!
„Я изнемогъ. Что было, снова,
„Чтобъ могъ воскреснуть я, верни!“

Зову въ безуміи. Ни слова.
Гляжу: лишь тѣнь моя, одна,
На ткани снѣжнаго покрова.

Какъ гробъ, мертва и холодна
Лазурная равнина снѣга,
Свое мерцанье льетъ луна,

На вышинѣ сверкаетъ Вега.

1894.

II.

И СНОВА...

Октавы.

1.

И снова день въ томительномъ іюнѣ,
И снова вечеръ съ вкрадчивой луной.
Въ глухіе дни безумныхъ полнолуній
Я весь томлюсь тревогой неземной,
Мнѣ чуждо все, что звало наканунѣ,
Какъ призракъ, ночь летаетъ надо мной
И, властная, напѣвами заклятій
Зоветъ меня для мерзостныхъ объятій.

2.

И вотъ лучи погасли вдалекѣ,
Луна стоитъ грозящимъ василискомъ
На высотѣ. Я чувствую, въ тоскѣ,
Иное нѣчто въ вѣдомомъ и близкомъ.
Покинувъ домъ, спускаюсь я къ рѣкѣ,
Ищу свой путь по синеватымъ дискамъ,
Начертаннымъ листвою на землѣ,
Иду, иду — и не собьюсь во мглѣ.

3.

И призраки слетаются для пира,
Какъ цѣлый міръ видѣній и тѣней,
Какъ цѣлый міръ, невѣдомый для міра,
Живущій ночью, мертвый въ свѣтѣ дней!
На этотъ праздникъ, съ яростью вампира,
Вхожу я самъ — и тамъ встрѣчаюсь съ ней,
Съ моей мечтой, съ безжалостной царицей,
Холодной, темнокудрой, блѣднолицей.

4.

Ея глаза — закрытые цвѣты,
Ея уста — что̀ губы сонныхъ ламій.
Ей грудь луна ласкаетъ съ высоты,
Къ ней вѣтеръ льнетъ, играя волосами.
Она беззвучно произноситъ: „Ты?“
И тайна Тьмы овладѣваетъ нами.
Мы связаны, мы въ узахъ страстныхъ рукъ,
Мы скованы — для сновъ, для ласкъ, для мукъ!

5.

Я помню боль, я помню ужасъ страсти,
И страшный видъ окровавленныхъ губъ,
И смутный звонъ разорванныхъ запястій!..
Но тамъ, въ горахъ, съ уступа на уступъ
Идетъ заря, и нѣтъ у ночи власти.
Кругомъ свѣтло, въ моихъ объятьяхъ трупъ...
Отпрянувъ, я смотрю въ безумной дрожи,
Какъ синева расходится по кожѣ.

6.

И я бѣгу, и долженъ я бѣжать!
Едва живой я дохожу до сада.
Блѣдна рѣки подернутая гладь,
Поютъ цвѣты и молится прохлада.
Святая тишь! земная благодать!
Моя душа зарей дышать такъ рада. —
Свой ѳиміамъ, я строфы ей несу,
И, какъ свѣтлякъ, пью раннюю росу.

1895.

III.

ТРИ СВИДАНІЯ.

I.

Черное море головъ колыхается,
Какъ живое чудовище,
Съ проходящими блестками
Красныхъ шапочекъ,
Голубенькихъ шарфовъ,
Эполетовъ ярко-серебряныхъ,
Живетъ, колыхается.

Какъ хорошо намъ отсюда,
Откуда-то сверху — высóко высóко —
Съ тобою смотрѣть на толпу.
Красивая рама свиданій!
Залитъ пассажъ электрическимъ свѣтомъ,
Звуки оркестра доносятся,
Старыя рѣчи любви
Къ сердцу изъ сердца восторженно просятся.
Милая, нѣтъ, я не лгу, говоря, что люблю я тебя.

2.

Въ зеркалѣ смутно удвоены
(Словно мило-невѣрныя риѳмы),
Свѣчи уже догораютъ.
Все неподвижно застыло:

Рюмки, бутылки, тарелки, —
Кресла, картины и шубы,
Шубы, тамъ вотъ, у входа.
Длинная зимняя ночь
Не удаляется прочь,
Мракъ намъ въ окно улыбается.

Глазки твои ненаглядные,
Глазки, слезами полные,
Дай расцѣлую я, милая!
Какъ хорошо намъ въ молчаніи!
(Намъ хорошо вѣдь, не правда ли?)
Стоитъ ли жизнь, чтобы плакать объ ней!
Улыбнись, какъ недавно,
Когда ты хотѣла что-то сказать
И вдругъ покраснѣла, смущенная,
Спряталась мнѣ на плечо,
Отдаваясь минутѣ банально-прекрасной.
А я цѣловалъ твои волосы,
И смѣялся. Смѣялась и ты, повторяя:
„Гадкій, гадкій!"

Улыбнись и не плачь!
Мы разстанемся счастливо,
У подъѣзда холоднаго дома,
Морозною ночью.
Изъ моихъ объятій ты выскользнешь,
И вернешься опять, и опять убѣжишь,
И потомъ, наконецъ,
Пойдешь, осторожно ступая,
По темнымъ ступенямъ.

Мать тебя дожидается,
Сидитъ, полусонная, въ креслѣ.
Номеръ „Нивы" заснулъ на столѣ,

А чулокъ на колѣняхъ...
Какъ она вздрогнетъ, услышавъ
Ключъ, затрещавшій въ замкѣ!
Ей захочется броситься
Навстрѣчу тебѣ, — но она,
Надвинувъ очки, принахмурится,
Спроситъ сурово:
„Откуда такъ поздно?“ — А ты,
Что ты отвѣтишь тогда, дорогая?

3.

Холодъ ранней весны;
Темная даль съ огоньками;
Сзади — свѣтъ, голоса; впереди —
Путь, во мракъ убѣгающій.
Тихо мы идемъ по платформѣ.
Холодъ вокругъ и холодъ въ душѣ.
„Милый, ты меня поцѣлуешь?“
И близко
Видятся глазки за тѣнью слезинокъ.

Воздухъ разрѣзанъ свисткомъ.
Послѣдній топотъ и шумъ...
„Прощай же!“ — и плачетъ, и плачетъ,
Какъ въ послѣдней сценѣ романа.
Поѣздъ рванулся. Идетъ. Все мелькаетъ.
Свѣтъ въ темноту убѣгаетъ.
Одинъ.
Мысли проносятся быстро, какъ тѣни;
Грезы, спускаясь, проходятъ ступени;
Падаютъ звѣзды; весна
Холодомъ дышитъ...
Навѣки...

1895.

IV

БѢЛЫЯ КЛАВИШИ.

Бѣлыя клавиши въ сердцѣ моемъ
Робко стонали подъ грубыми пальцами,
Думы скитались въ просторѣ пустомъ,
Память безмолвно раскрыла альбомъ,
Тяжкій альбомъ, гдѣ вседневно страдальцами
Пишутся строфы о счастьи быломъ...

Смѣха я жаждалъ, хотя бъ и притворнаго,
Дерзкаго смѣха и пьяныхъ рѣчей.
Въ жалкихъ восторгахъ безстыдныхъ ночей
Отблески есть животворныхъ лучей,
Свѣтитъ любовь и въ позорѣ позорнаго.

Въ темную залу вхожу, одинокъ,
Путникъ безвременный, гость неожиданный.
Лица еще не разсѣлись въ кружокъ...
Видъ необычный и призракъ невиданный:
Слабымъ корсетомъ не стянутъ испорченный станъ,
Косы упали свободно, лицо безъ румянъ.

„Дѣвочка, знаешь, мнѣ тяжко, мнѣ какъ-то рыдается.
Сядь близъ меня, потолкуемъ съ тобой, какъ друзья..."
Взоры ея поднялись, удивленье тая.
Что-то въ душѣ просыпается,
Что-то и ей вспоминается...
Это — ты! Это — я!

Бѣлыя клавиши въ сердцѣ моемъ
Стонутъ, и плачутъ, живутъ подъ ударами,
Думы встаютъ и кричатъ о быломъ,
Память дрожитъ, уронивши альбомъ,
Тяжкій альбомъ, переполненный старыми
Снами, мечтами о счастьи святомъ!

Плачь! я не вынесу смѣха притворнаго!
Плачь! я не вынесу дерзкихъ рѣчей!
Здѣсь ли, во мракѣ безстыдныхъ ночей,
Долженъ я встрѣтить одинъ изъ лучей
Лучшаго прошлаго, дня благотворнаго!

Робко, какъ воръ, выхожу, одинокъ,
Путникъ безвременный, гость убѣгающій.
Съ ласковой лаской скользитъ вѣтерокъ,
Мѣсяцъ выходитъ съ улыбкой мигающей.
Городъ шумитъ, и мой домъ недалекъ...
Блекни въ сознаньи, послѣдній вѣнокъ!
Что́ мнѣ до жизни чужой и страдающей!

1895.

ME EUM ESSE.

ВТОРАЯ КНИГА СТИХОВЪ.

1896—1897.

ИЗДАНІЕ ТРЕТЬЕ.

ОДИНОЧЕСТВУ ТѢХЪ ДНЕЙ.

НОВЫЕ ЗАВѢТЫ.

I.

Какъ царство бѣлаго снѣга,
Моя душа холодна.
Какая странная нѣга
Въ мірѣ холоднаго сна! —
Какъ царство бѣлаго снѣга,
Моя душа холодна.

Проходятъ блѣдныя тѣни,
Подобны чарамъ волхва,
Звучатъ и клятвы, и пени,
Любви и побѣды слова...
Проходятъ блѣдныя тѣни,
Подобныя чарамъ волхва.

А я всегда, неизмѣнно,
Молюсь неземной красотѣ;
Я чуждъ тревогамъ вселенной,
Отдавшись холодной мечтѣ.
Отдавшись мечтѣ, — неизмѣнно
Я молюсь неземной красотѣ.

1896.

II.

ЮНОМУ ПОЭТУ.

Юноша блѣдный со взоромъ горящимъ,
Нынѣ даю я тебѣ три завѣта:
Первый прими: не живи настоящимъ,
Только грядущее — область поэта.

Помни второй: никому не сочувствуй,
Самъ же себя полюби безпредѣльно.
Третій храни: поклоняйся искусству,
Только ему, безраздумно, безцѣльно.

Юноша блѣдный со взоромъ смущеннымъ!
Если ты примешь моихъ три завѣта,
Молча паду я бойцомъ побѣжденнымъ,
Зная, что въ мірѣ оставлю поэта.

1896.

III.

...И, покинувъ людей, я ушелъ въ тишину,
Какъ мечта одинокъ, я мечтами живу,
Позабывъ обаянья безцѣльныхъ надеждъ,
Я смотрю на мерцанья сочувственныхъ звѣздъ.

Есть великое счастье — познавъ, утаить;
Одному любоваться на грезы свои;
Безотвѣтно твердить откровенiй слова,
И въ пустынѣ слѣдить, какъ восходитъ звѣзда.

1896.

IV.

Я дѣйствительности нашей не вижу,
Я не знаю нашего вѣка,
Родину я ненавижу, —
Я люблю идеалъ человѣка.

И въ пространствѣ звенящія строки
Уплываютъ въ даль и къ былому;
Эти строки отъ жизни далеки,
Этихъ грезъ не повѣрю другому.

Но, когда настанутъ мгновенья,
Придутъ существа иныя.
И для нихъ мои откровенья
Прозвучатъ какъ пѣсни родныя.

1896.

V.

МУЧИТЕЛЬНЫЙ ДАРЪ.

И ношусь, крылатый вздохъ,
Межъ землей и небесами.
Е. Баратынскій.

Мучительный даръ даровали мнѣ боги,
Поставивъ меня на таинственной грани.
И вотъ я блуждаю въ безумной тревогѣ,
И вотъ я томлюсь отъ больныхъ ожиданій.

Нездѣшняго міра мнѣ слышатся звуки,
Шаги эвменидъ и пророчества ламій...
Но тщетно съ мольбой простираю я руки,
Невидимо стѣны стоятъ между нами.

Земля мнѣ чужда, небеса недоступны,
Мечты навсегда, навсегда невозможны.
Мои упованья предъ міромъ преступны,
Мои вдохновенья предъ небомъ ничтожны!

1896.

VI.

Давно ушелъ я въ міръ, гдѣ думы,
Давно позналъ нездѣшній свѣтъ.
Мнѣ странны красочные шумы,
Страстямъ — въ душѣ отвѣта нѣтъ.

Могу я медлить мигъ мгновенный,
Но ввысь иду одной тропой.
Кто мнѣ шепнулъ о жизни плѣнной?
— Моя звѣзда! я только твой.

1896.

VII.

IL BACIO.

Есть древняя чистая ласка,
Прекраснѣй, чѣмъ буйная страсть:
Есть ласка святая, какъ сказка,
И есть въ ней нездѣшняя власть.

Ея неземное значенье
Не тотъ на землѣ разгадалъ,
Кто, въ дикой игрѣ наслажденья,
Любовницы грудь цѣловалъ;

Не тотъ, кто за дымкой прозрачной
Ловилъ очарованный взглядъ
И послѣ въ уста новобрачной
Вливалъ обольстительный ядъ.

Но кто уловилъ, хоть однажды,
Таинственный зовъ чистоты,
Ничѣмъ не обманетъ онъ жажды
Своей озаренной мечты.

Онъ будетъ блуждать и томиться,
Искать отраженій во мглѣ,
И прошлому свѣту молиться,
И жить неземнымъ на землѣ.

Но въ нашемъ вседневномъ туманѣ
Мечтамъ повторенія — нѣтъ,
И только за гранью желаній
Мы встрѣтимъ желанный отвѣтъ!

1895.

VIII.

ПО ПОВОДУ CHEFS D'ŒUVRE.

Ты приняла мою книгу съ улыбкой
Бѣдную книгу мою...
Вѣрь мнѣ: давно я считаю ошибкой
Бѣдную книгу мою.

Нѣтъ! не читай этихъ вымысловъ дикихъ,
Яркихъ и странныхъ картинъ:
Правду ихъ образовъ, тайно великихъ,
Я прозрѣваю одинъ.

О, этотъ ропотъ больныхъ искушеній,
Хохотъ и стоны менадъ!
То — къ неземному земныя ступени,
Взглядъ — до разлуки — назадъ.

Вижу, изъ сумрака вышедши къ свѣту,
Путь свой къ лучамъ золотымъ;
Ты же на дѣтскую долю не сѣтуй:
Дѣтямъ ихъ отблескъ незримъ!

Такъ! не читай этихъ вымысловъ дикихъ,
Брось эту книгу мою:
Правду страницъ ея, тайно великихъ,
Я, покоряясь, таю.

1896.

IX.

Отреченнаго веселья
Озаренная печаль:
Это — ласковая келья,
Кропотливая медаль.

И, за гранью всѣхъ желаній,
Блѣдно-палевая даль:
Это — новыхъ испытаній
Несказанная печаль.

1896.

ВИДѢНІЯ.

I.

ВЕСНА.

Бѣлая роза дышала на тонкомъ стеблѣ.
Дѣвушка вензель чертила на зимнемъ стеклѣ.

Голуби рѣяли смутно сквозь призрачный снѣгъ.
Грезы томили все утро предчувствіемъ нѣгъ.

Дѣвушка долго и долго ждала у окна.
Гдѣ-то за моремъ тогда расцвѣтала весна.

Вечеръ насталъ и земное утѣшилось сномъ.
Дѣвушка плакала ночью въ тиши, — но о комъ?

Бѣлая роза увяла безъ слезъ въ эту ночь.
Голуби утромъ мелькнули — и кинулись прочь.

1896.

II.

НА БУЛЬВАРѢ.

Съ опущеннымъ взоромъ, въ пелериночкѣ бѣлой,
Она мимо насъ мелькнула несмѣло,—
Съ опущеннымъ взоромъ, въ пелериночкѣ бѣлой.

Это было на улицѣ, сѣрой и пыльной,
Гдѣ деревья бульвара склонялись безсильно,
Это было на улицѣ сѣрой и пыльной.

И только небо — всегда голубое —
Сіяло, прекрасное, въ строгомъ покоѣ,
Одно лишь небо, всегда голубое!

Мы стояли съ тобой молчаливо и смутно...
Волновалась улица жизнью минутной.
Мы стояли съ тобой молчаливо и смутно.

1896.

III.

МГНОВЕНІЕ.

Одинъ ея взглядъ ярче тысячи звѣздъ!
Небесный, алмазный, сверкающій крестъ, —
Одинъ ея взглядъ выше тысячи звѣздъ!

Я встрѣтилъ на мигъ лишь одинъ ея взглядъ, —
Алмазные отсвѣты такъ не горятъ...
Я встрѣтилъ на мигъ одинъ ея взглядъ.

О, что за вопросы видѣлись въ немъ!
Я смутно померкъ въ вѣнцѣ золотомъ...
О, что за вопросы видѣлись въ немъ!

Умрите, умрите, слова и мечты, —
Что̀ можетъ вся мудрость предъ сномъ красоты?
Умрите, умрите, слова и мечты!

1896.

IV.

И онъ взглянулъ, и ты уснула, и онъ ушелъ, и умеръ день;
И словно руки протянула огнемъ встревоженная тѣнь.
Слова магическихъ заклятій завѣтныхъ сновъ не разорвутъ,
Ты будешь помнить бредъ объятій и всѣ, и всѣ мечты минутъ,
Когда же, властный и прекрасный, къ тебѣ опять вернется онъ,
То будетъ только сонъ неясный, — неясный и ненужный сонъ!

1895.

V.

ВЪ ТРАУРѢ.

Она была въ траурѣ съ длинной вуалью;
На небѣ горѣли въ огнѣ облака.

Черты ея нѣжно дышали печалью;
Небесныя тайны качала рѣка.

Но яркое небо — миражъ непонятный,
Но думы печали — обманы минутъ;

А строгія строфы скользятъ невозвратно,
Скользятъ и не дышатъ, — и вѣчно живутъ.

1896.

VI.

ПОЗОРЪ.

Вѣнчальныя платья мы сняли,
Сронили къ ногамъ ожерелья
И въ царственной Залѣ Веселья
Смущенной толпою стояли.

Почти обнаженныя, всѣ мы
Поднять наши взоры не смѣли,
И только надменно горѣли
У насъ въ волосахъ діадемы.

1896.

VII.

ВѢТВИ.

Вѣтви склонялись въ мое окно,
Подъ вѣтромъ гнулись, тянулись въ окно,
И занавѣска, дрожа, томясь,
На бѣлой лентѣ ко мнѣ рвалась;
Но я смотрѣлъ въ окно мимо нихъ,
Мой взоръ погасалъ въ небесахъ голубыхъ.

— Тамъ, гдѣ движенья и страсти нѣтъ,
Тамъ вѣчно свѣтитъ нетлѣнный свѣтъ;
О чемъ мы бредимъ во снѣ, сквозь сонъ,
Тѣмъ міръ незримо всегда напоенъ;
Красота и смерть неизмѣнно одно...
А вѣтви гнутся и рвутся въ окно.

1896.

МГНОВЕНІЯ.

I.

И снова бредешь ты въ толпѣ неизмѣнной,
Исполненъ желаній земныхъ.
Мгновенія тайны, какъ тайна, мгновенны,
И сердце не вспомнитъ объ нихъ.

Она у окна, утомленно больная,
Глядитъ на блѣднѣющій день; —
И ближе, и ближе — ночная, земная,
Всегда сладострастная тѣнь.

1896.

II.

ТУМАНЪ.

Пьяныя лица и дымный туманъ...
Въ дымкѣ туманной лепечетъ фонтанъ.

Отзвуки смѣха и грубый вопросъ...
Блещутъ на лиліяхъ отблески росъ.

Клонятся красныя губы ко мнѣ...
Звѣзды безстрастно плывутъ въ вышинѣ.

1896.

III.

ПРОДАЖНАЯ.

Едва ли ей было четырнадцать лѣтъ —
Такъ задумчиво гасли линіи бюста.
О, какъ ей не шелъ пунцовый цвѣтъ,
Символъ страстнаго чувства!

Альковъ задрожалъ золотой бахромой —
Она задернула длинныя кисти.
О, да! ей грезился сводъ голубой
И зеленые листья.

1896.

IV.

РАЗСВѢТЪ.

День разсвѣтаетъ, встрѣчая мечту...
Въ сумракѣ дня я молитву прочту.

Мутной зарей озарилось окно...
Господи! сердце тебѣ отдано.

Женская тѣнь на постели блѣдна...
Нѣтъ! я не знаю недавняго сна!

1896.

V.

Эту ночь я дышалъ тишиной.
Но таинственененъ былъ ускользающій сонъ.

Въ эту ночь ты мечтала со мной.
Но ласкающій ликъ былъ луной озаренъ.

На зарѣ умерла золотая луна.
На зарѣ ты разсталась со мной.

Ты разсталась, ушла, но жила тишина...
На зарѣ я дышалъ тишиной.

1896.

VI.

Стаялъ снѣгъ... земля, каменья,
Облака и облака...
Гдѣ же символъ возрожденья,
Дѣтскій лепетъ василька!

Смутно сонный холодъ дышитъ
Вмѣсто вешней теплоты,
И душа моя не слышитъ
Обновляющей мечты.

1896.

VII.

Холодъ ночи; смерзлись лужи;
Бѣлый снѣгъ запорошилъ.
Но въ дыханьи злобной стужи
Чую волю вешнихъ силъ.

Завтра, завтра солнце встанетъ,
Побѣгутъ въ ручьяхъ снѣга,
И весна съ улыбкой взглянетъ
На безсильнаго врага!

1896.

VIII.

Звонъ отдаленный, пасхальный,
Слышу сквозь завѣсу дней.
Тихо бреду я, печальный,
Въ мірѣ вечернихъ тѣней.

Звонъ отдаленный, пасхальный,
Ближе, прозрачнѣй, слышнѣй...
Тихо бреду я, печальный,
Съ горестной думой о Ней.

1896.

СКИТАНІЯ.

I.

Мѣрный шумъ колесъ,
Поле, рядъ березъ,
Много мутныхъ грезъ;
Мчимся, мчимся, мчимся...

Мѣрный шумъ и шумъ,
Сводъ небесъ угрюмъ,
Много мутныхъ думъ;
Дальше! Дальше! Дальше!

1896.

II.

Мѣсяцъ блѣдный, словно облако,
Неподвижный странный лѣсъ,
Тамъ далеко шпиль — и около
Золотой, блестящій крестъ.

Поѣздъ вьется быстро, медленно,
Скрылся лѣсъ и нѣтъ креста,—
Но въ лазури тайна мѣсяца
Неизмѣнна и чиста.

1896.

III.

Четкія линіи горъ;
Блѣдно-невѣрное море...
Гаснетъ восторженный взоръ,
Тонетъ въ безсильномъ просторѣ.

Создалъ я въ тайныхъ мечтахъ
Міръ идеальной природы,—
Что̀ передъ нимъ этотъ прахъ:
Степи, и скалы, и воды!

Ореанда, 1896.

IV.

О, плачьте, о, плачьте
До радостныхъ слезъ!
— Высоко на мачтѣ
Мелькаетъ матросъ.

За гранью страданій
Есть новые дни.
— Надъ моремъ въ туманѣ
Сверкнули огни.

Желанья — какъ воды,
Страданья — маякъ...
— Плывутъ пароходы
Въ таинственный мракъ.

Новороссійскъ, 1896.

V.

ВЕЧЕРЪ.

Но въ стихѣ умиленномъ найдешь
Эту вѣчно душистую розу.
А. Фетъ.

Утомленный, сонный вечеръ
Успокоилъ тишью волны,
И померкъ далекій глетчеръ,
Вѣчно гордый и безмолвный.

Море темное простерто,
Ждетъ, въ томленьи постоянства,
Скоро ль выйдетъ мѣсяцъ мертвый
Цѣловать его пространство.

Мысль полна глухихъ предчувствій,
Голосъ будущаго слышитъ...
Пусть же въ строфахъ, пусть въ искусствѣ
Этотъ гимнъ навѣки дышитъ!

Кавказъ, 1896.

VI.

Есть что то позорное въ мощи природы,
Нѣмая вражда къ лучамъ красоты:
Надъ міромъ скалъ проносятся годы,
Но вѣченъ только міръ мечты.

Пускай же грозитъ океанъ неизмѣнный,
Пусть гордо спятъ ледяные хребты:
Настанетъ день конца для вселенной,
И вѣченъ только міръ мечты.

Крымъ, 1896.

VII.

Спитъ вагонъ, мерцаетъ газъ,
Поѣздъ мчитъ, уноситъ насъ.
Безконечна даль полей,
Мѣсяцъ горестный надъ ней.

Съ Юга, съ Юга — въ міръ снѣговъ
Мчится поѣздъ мертвецовъ.
Смотритъ мѣсяцъ къ намъ въ окно,
Только — мертвымъ все равно!

1896.

VIII.

СОФІИ С.,

подарившей мнѣ лепестокъ розы.

Лепестокъ оцвѣтающей розы —
Не символъ ласкательной встрѣчи:
Прекрасны минутныя грезы,
Едва прозвучавшія рѣчи.

Отуманены тайной печалью
Припомнятся эти мгновенья,
Какъ будто за бѣлой вуалью
Сверкающій взоръ вдохновенья.

10 іюня 1896,
близъ Симферополя
въ вагонѣ.

IX.

Поѣздъ врывается въ древнія скалы,
— Слѣва и справа гранитъ.
Вотъ на тропѣ пѣшеходъ запоздалый
Сталъ, прислонился, глядитъ.

Вырвались... Склоны, покрытые лѣсомъ,
Домики, поле, рѣка,
Старая кирка подъ чернымъ навѣсомъ.
Даль — хороша, далека.

Дальше... Опять надвигаются горы,
За́мокъ сошелъ на утесъ,
Черныя сосны, расщелинъ узоры...
Грохотъ и хохотъ колесъ!

1897.
Близъ Магдебурга.

X.

Мы ѣхали долго, безъ цѣли, куда-то,
Куда-то далеко, впередъ, безъ возврата...
Поспѣшно мелькали кусты,
Вставали березы, поля убѣгали,
Сурово стучали подъ нами мосты.

Мы ѣхали долго. Намъ дождь повстрѣчался
И долго въ оконныя стекла стучался,
Угрюмо пророча печаль...
Но мы ускользнули за области бури
И къ чистой лазури мы ринулись вдаль!

1897.

НЕНУЖНАЯ ЛЮБОВЬ.

I.

И снова дрожатъ онѣ, грезы безсильныя,
Безсильныя грезы ненужной любви;
Какъ сестры, какъ братья, ряды кипарисные
Задумчиво слушаютъ думы мои;
Съ упрекомъ лаская тростинки росистыя,
О будущемъ горѣ лепечутъ ручьи,
А въ сердцѣ дрожатъ, невозможныя, чистыя,
Безсильныя грезы ненужной любви.

1896.

II.

Сквозь туманъ таинственный
Голосъ слышу вновь,
Голосъ твой единственный,
Юная любовь!

Тихо наклоняется
Призракъ надо мной,
Призракъ улыбается,
Блѣдный и земной.

Вотъ зажглись жемчужныя
Звѣзды въ небесахъ,
И слова ненужныя
Снова на устахъ!

1896.

III.

Въ лабиринтѣ аллей,
Между скалъ и развалинъ,
Я тоскую о ней,
Я блуждаю, печаленъ.

Мигъ завѣтный придетъ...
Сердце странно сожмется,
И она промелькнетъ,
И она улыбнется.

Въ полуночи аллей,
До луны и до свѣта,
Я мечтаю о ней,
Я томлюсь отъ привѣта.

1896.

IV.

Я помню вечеръ, блѣдно-скромный,
Цвѣты усталыхъ георгинъ,
И дѣтскій взоръ, — онъ мнѣ напомнилъ
Глаза египетскихъ богинь.

Нѣтъ, я не знаю жизни смутной:
Горятъ огни шумитъ толпа, —
Въ моихъ мечтахъ — Твои минуты:
Твои мемѳисскіе глаза.

1897.

V.

Поблѣднѣвшія звѣзды дрожали,
Трепетала листва тополей,
И, какъ тихая греза печали,
Ты прошла по завѣтной аллеѣ.

По аллеѣ прошла ты и скрылась...
Я дождался желанной зари,
И туманная грусть озарилась
Серебристою риѳмой Маріи.

1896.

VI.

Почему я только мальчикъ,
Бѣдный мальчикъ, такъ влюбленъ
Въ это ласковое море,
Въ этотъ берегъ обновленный!

Почему я только мальчикъ,
Въ глубинѣ души таящій
Радость странную, и горе,
И восторгъ любви томящей!

Почему я только мальчикъ,
Почему сказать не смѣю,
Какъ ее люблю я тайно,
Какъ въ тиши любуюсь ею!

Почему я только мальчикъ,
Почему ее люблю я,
Почему во мглѣ случайно
Не встрѣчаю поцѣлуя!

1896.

VII.

Межъ скалъ разбитыхъ, —
Одинъ! одинъ!
Блаженствъ забытыхъ
Я властелинъ.

Тамъ, у платана,
Прошла она,
Дождемъ фонтана
Окроплена.

Она глядѣла
Печально вдаль,
Гдѣ чуть темнѣла
Небесъ эмаль.

Она хранила
Въ рукѣ цвѣтокъ,
И обронила
Тамъ лепестокъ.

Я у бассейна
Его поднялъ,
Благоговѣйно
Поцѣловалъ.

Листокъ случайный,
Ты мой! со мной!
И кроетъ тайны
Навѣсъ ночной.

Кисловодскъ, 1896.

VIII.

Это было безуміе грезы,
Невозможное полное счастье.
Въ мірѣ блѣдныхъ желаній и прозы
Прозвенѣвшія струны безстрастья.

Не ища ни привѣта, ни встрѣчи,
Но въ томленьи волшебной отрады,
Я ловилъ ея дальнія рѣчи,
Мимолетно-случайные взгляды.

Неизвѣстный, осмѣянный, странный,
Я извѣдалъ безмѣрное счастье, —
Наслаждаться мечтой несказанной
И свободнымъ восторгомъ безстрастья.

1896.

IX.

АНГЕЛЪ БЛѢДНЫЙ.

Ангелъ блѣдный, синеглазый,
Ты идешь во мглѣ аллеи.
Звѣздъ вечерніе алмазы
Надъ тобой горятъ свѣтлѣе.
Ангелъ блѣднѣй, озаренный
Блѣднымъ свѣтомъ фонаря,
Ты стоишь въ тѣни зеленой,
Грезой съ ночью говоря.

Ангелъ блѣдный, легкокрылый,
Къ намъ отпущенный на землю!
Грезъ твоихъ я шопотъ милый
Чуткимъ слухомъ чутко внемлю.
Ангелъ блѣдный, утомленный
Слишкомъ яркимъ свѣтомъ дня,
Ты стоишь въ тѣни зеленой,
Ты не знаешь про меня.

Звѣзды ярки, какъ алмаза
Грани, въ тверди слишкомъ синей.
Скалы стараго Кавказа
Дремлютъ въ царственной пустынѣ.
Здѣсь, гдѣ Демонъ камень темный
Огневой слезой прожегъ, —
Ангелъ блѣдный! — гимнъ нескромный
Я тебѣ не спѣть не могъ!

1896.

X.

Мы бродили, вдвоемъ и печальны,
Между тонкихъ высокихъ стволовъ,
Безпощадныя, жадныя тайны
Насъ томили, томили безъ словъ.
Мы бродили, вдвоемъ и печальны,
Между тонкихъ высокихъ стволовъ...

Желтоватый, безжизненный мѣсяцъ
Надъ лугами взошелъ и застылъ,
Міръ тѣней — утомленъ и невеселъ —
Къ отдаленнымъ кустамъ отступилъ.
Желтоватый, безжизненный мѣсяцъ
За стволами взошелъ и застылъ.

Ты хотѣла сказать... Невозможнымъ
Диссонансомъ раздались слова:
Стебельки закачались тревожно,
Трепеща зашептала трава,
Диссонансомъ больнымъ, невозможнымъ
Въ тишинѣ прозвучали слова.

И опять — набѣгающій сумракъ
Отуманилъ молчанье кругомъ.
Отдаваясь мучительнымъ думамъ,
Мы брели въ полумракѣ лѣсномъ,
И безжизненный мѣсяцъ — угрюмо —
Озарялъ насъ съ тобою вдвоемъ.

Кисловодскъ, 1896.

XI.

Это матовымъ вечеромъ мая
Ты такъ горько шепнула „твоя!“,
Что съ тѣхъ поръ я томлюсь, вспоминая,
Что и нынче волнуюся я.

Съ этихъ поръ я боюсь трепетанья
Предзакатныхъ, маняшихъ лучей,
Мнѣ томительны сны и желанья,
Мнѣ мучителенъ сумракъ ночей;

Я одною мечтою волнуемъ:
Умирать, не повѣривъ мечтамъ,
Но предъ смертью припасть поцѣлуемъ
Къ дорогимъ поблѣднѣвшимъ губамъ.

Москва, 1896.

ВѢЯНЬЕ СМЕРТИ.

I.

Послѣдній день
Сверкалъ мнѣ въ очи,
Послѣдней ночи
Встрѣчалъ я тѣнь.

А. Полежаевъ.

И ночи, и дни примелькались,
Какъ дольныя тѣни волхву.
Въ безжизненномъ мірѣ живу,
Живыми лишь думы остались.

И нѣтъ никого на землѣ
Съ ласкающимъ, горестнымъ взглядомъ,
Кто бъ въ этой томительной мглѣ
Томился и мучился рядомъ.

Часы неизмѣнно идутъ,
Идутъ, и минуты считаютъ...
О, стукъ перекрестныхъ минутъ!
— Такъ медленно гробъ забиваютъ.

1895.

II.

Послѣ ночи безсонной,
Послѣ тягостныхъ думъ,
Страненъ звонъ отдаленный,
Гармоническій шумъ.

Полутьма не рѣдѣетъ,
И декабрьская ночь
Словно медлитъ, не смѣетъ,
Отодвинуться прочь.

Сумракъ думъ безъ просвѣта.
Темны дали судьбы.
Я не знаю отвѣта
На призывъ, на мольбы.

Все грядущее грозно,
Нѣтъ надежды въ быломъ,
Безпощадное „поздно"
Прозвучало, какъ громъ.

Эти слезы невольны:
Это — стоны души...
Чу! призывъ колокольный
Вырастаетъ въ тиши.

1895.

III.

ПОСЛѢДНІЯ СЛОВА.

И я опять пишу послѣднія слова,
Предсмертные стихи, звучащіе уныло...
Опять, опять пишу унылыя слова.

Но не забыто все, что грезилось и было!
Пусть будущаго нѣтъ, пусть завтра—не мое,
Но не забыто все, что грезилось и было.

Теперь не жизни жаль, гдѣ я извѣдалъ все:
Побѣду и позоръ, и всѣ изгибы чувства, —
Нѣтъ, мнѣ не жизни жаль, гдѣ я извѣдалъ все.

Но вы, мечты мои! провидѣнья искусства!
Ряды замышленныхъ и не свершенныхъ дѣлъ!
Вы, вы, мечты мои, провидѣнья искусства!

Какъ горько умирать, не кончивъ, что хотѣлъ,
Едва найдя свой путь къ восторгамъ идеала!—
О, горько умирать, не кончивъ, что хотѣлъ...

Такъ много думано, исполнено такъ мало!

Іюль 1896.

IV.

ПОСВ. ***

Мнѣ снилось: мертвенно-безсильный,
Почти жилецъ земли могильной,
Я, глухо, близился къ концу.

И бывшій другъ пришелъ къ кровати
И, бормоча слова проклятій,
Меня ударилъ по лицу.

1896.

V.

ЗАПИСКА САМОУБІЙЦЫ.

Завтра, когда мое тѣло найдутъ,
Плачъ и рыданья поднимутся тутъ.

Станутъ жалѣть о судьбѣ дарованій,
Смерть назовутъ и случайной и ранней,

И, свои прежнія рѣчи забывъ,
Станутъ мечтать, какъ я былъ бы счастливъ.

Только одни стебельки иммортели
Тихо шепнутъ о достигнутой цѣли.

1896.

VI.

Кончено, кончено! Я побѣжденъ.
— Смѣйтесь!
Погасъ, погасъ весенній сонъ...
Листья осенніе, вейтесь!

Медленно всходитъ былая луна,
Всходитъ...
Горитъ въ огняхъ, горитъ волна;
Челнокъ опрокинутый бродитъ.

Утромъ наляжетъ на ропотный лѣсъ
Иней,
И, все въ крови, — укоръ небесъ —
Солнце взойдетъ надъ пустыней.

1896.

VII.

...Я вернулся на яркую землю,
Межъ людей, какъ въ туманѣ, брожу,
И шумящему говору внемлю,
И въ горящіе взоры гляжу.

Но за ропотомъ снѣжной мятели,
И подъ шопотъ ласкающихъ словъ —
Не забылъ я полей асфоделей,
Залетейскихъ нѣмыхъ береговъ.

И въ сіяньи земныхъ отраженій
Мнѣ все грезятся — ночью и днемъ —
Проходящія смутныя тѣни,
Озаренныя тусклымъ огнемъ.

1896.

VIII.

Я бы умеръ съ тайной радостью
Въ часъ, когда взойдетъ луна.
Овѣваетъ странной сладостью
Тѣнь таинственнаго сна.

Безпредѣльнымъ далямъ преданный,
Тамъ, гдѣ меркнетъ свѣтъ и шумъ,
Я покину кругъ извѣданный
Повторенныхъ словъ и думъ.

Грань познанія и жалости
Сердце вольно перейдетъ,
Въ вѣчной безднѣ, безъ усталости,
Будетъ плыть впередъ, впередъ.

И все новой, странной сладостью
Овѣваетъ призракъ сна...
Я бы умеръ съ тайной радостью
Въ часъ, когда взойдетъ луна.

1897.

IX.

Ни красокъ, ни лучей, ни аромата,
Ни пестрыхъ рыбъ, ни полумертвыхъ розъ,
Ни даже сновъ безпечнаго разврата,
Ни слезъ!

Потокъ созвучій всѣ слова унесъ,
За вечера видѣній вотъ расплата!
Но странно нѣжитъ эта мгла безъ грезъ,
Безъ слезъ!

Послѣдній лучъ въ предчувствіи заката
Блѣднѣетъ... Ночь близка... Померкъ утесъ...
Мнѣ все равно. Не надо — ни возврата,
Ни слезъ!

1897.

ВЪ ПУТИ.

I.

Сумракъ за чернымъ окномъ
Въ полночь тоскливо погасъ.
Думы овѣяны сномъ
Въ этотъ загадочный часъ.

Странницы жизни, мечты
Около длинныхъ гробницъ,
Въ склепѣ былой красоты
Пали, простертыя ницъ.

Звукъ заклинающихъ словъ,
Дрогнувъ среди тишины,
Тихо коснулся гробовъ,
Словно улыбка луны.

Въ дѣвственно чистыхъ вѣнцахъ,
Въ бѣломъ сіяньи одеждъ,
Вотъ приподнялись въ гробахъ
Тѣни погибшихъ надеждъ.

Очи глядятъ на меня,
Руки тревожно дрожатъ...
Сладко предчувствіе дня,
Томенъ цвѣтовъ ароматъ.

Сердце, зачѣмъ, о зачѣмъ
Ты умираешь во снѣ!
Сумракъ, безстрастенъ и нѣмъ,
Тускло глядится ко мнѣ.

1896.

II.

Тайны мрака поблѣднѣли;
Неземныя акварели
Прояснились на востокѣ;
Но, таинственно-далеки,
Звѣзды ночи не хотѣли.
Уступивъ лучу денницы,
Опустить свои рѣсницы.

И въ моей душѣ усталой
Брежжитъ день лазурно-алый,
Вѣетъ влагой возрожденья,—
Но туманныя сомнѣнья
Нависаютъ, какъ бывало,
И дрожатъ во мглѣ сознанья
Изступленныя желанья.

1896.

III.

Прохлада утренней весны
Пьянитъ ласкающимъ намекомъ;
О чемъ-то горестно далекомъ
Поютъ осмѣянные сны.

Бреду въ молчаньи одинокомъ.

О чемъ-то горестно далекомъ
Поютъ осмѣянные сны,
О чемъ-то чистомъ и высокомъ,
Какъ дуновеніе весны.

Бреду въ молчаньи одинокомъ.

О чемъ-то странномъ и высокомъ,
Какъ приближеніе весны...
Въ душѣ, съ привѣтомъ и упрекомъ,
Встаютъ отвергнутые сны.

Бреду въ молчаньи одинокомъ.

1896.

IV.

Изъ бездны ужасовъ и слезъ,
По ступенямъ безвѣстной цѣли,
Я восхожу къ дыханью розъ
И блѣдно-палевыхъ камелій.

Мнѣ жаль восторженнаго сна
Съ палящей роскошью видѣній;
Опять къ позору искушеній
Душа мечтой увлечена.

Едва шепнуть слова заклятій,—
И блескомъ озарится мгла,
Мелькнутъ, для плясокъ, для объятій,
Нагія, страстныя тѣла...

Но умираетъ вызовъ властный
На сомкнутыхъ устахъ волхва;
Пускай желанья сладострастны,—
Покорно холодны слова!

1896.

V.

Послѣднія думы
О яркой землѣ
Витаютъ, угрюмы,
Въ безжизненной мглѣ;

Зловѣщи и хмуры,
Скользятъ межъ тѣней,
Слѣпые лемуры
Погибшихъ страстей;

Шныряютъ какъ совы
Въ сіяніи дня, —
Готовы, готовы
Вонзиться въ меня!

Но мысль отгоняетъ
Невольный испугъ
Меня охраняетъ
Магическій кругъ,

И, тайные знаки
Свершая жезломъ,
Стою я во мракѣ
Безстрастнымъ волхвомъ.

1896.

VI.

Не плачь и не думай:
Прошедшаго—нѣтъ!
Привѣтственнымъ шумомъ
Врывается свѣтъ.

Уснувши, ты умеръ
И утромъ воскресъ,—
Смотри же безъ думы
На дали небесъ.

Что вѣчно, — желанно,
Что горько, — умретъ...
Иди неустанно
Впередъ и впередъ.

1896.

VII.

Въ часъ, когда Геній вечерней прохлады
Жизнь возвращаетъ цвѣтамъ,
Къ Озеру Сновъ, по знакомымъ тропамъ
Медленно тянутся гады.

Тамъ они, въ ясной и чистой тиши,
Водятъ круги омерзительной пляски,
Правятъ подъ мѣсяцемъ липкія ласки,
Слизью сквернятъ камыши.

Въ жуткой тревогѣ святыя видѣнья
Къ небу восходятъ, какъ бѣлый туманъ;
Сны мои черны,—и снова я пьянъ
Мутнымъ виномъ искушенья.

1897.

VIII.

О, когда бы я назвалъ своею
Хоть тѣнь твою!
Но и тѣни твоей я не смѣю
Сказать: люблю.

Ты прошла недоступно небесной
Среди зеркалъ,
И твой образъ надъ призрачной бездной
На мигъ дрожалъ.

Онъ ушелъ, какъ въ пустую безбрежность,
Во глубь стекла...
И опять для меня—безнадежность,
И смерть, и мгла!

1897.

ЗАВЕРШЕНІЕ.

I.

ГОДЫ МОЛЧАНІЯ.

Есть для избранныхъ годы молчанія.
Они придутъ —
И осудятъ былыя желанія...
О, строгій судъ!

Но томленье о благѣ единственномъ
Не явитъ намъ,
Какъ пройти переходомъ таинственнымъ
Къ инымъ мечтамъ.

Въ лабиринтѣ блуждая, безсильные,
Собьемся мы,
И заманятъ насъ въ глуби могильныя
Соблазны тьмы!

1897.

II.

И, въ ужасѣ, я оглянулся назадъ,
И понялъ безуміе жизни.
— Померкъ! да, померкъ торжествующій взглядъ,
Ты понялъ безуміе жизни!

О голосъ безвѣстный, отвѣть мнѣ, молю;
Что правда, гдѣ путь, въ чемъ спасенье?
— Спасутся — творящіе волю мою,
Кто противъ — тѣмъ нѣтъ и спасенья!

Въ безуміи жизни я не былъ рабомъ,
Не буду и ради блаженства!
— Блуждай же, безумецъ, въ томленьи пустомъ:
Тебѣ не извѣдать блаженства!

1897.

III.

Еще надѣяться — безуміе.
Смирись, покорствуй и пойми;
Часами долгаго раздумія
Запечатлѣй союзъ съ людьми.

Прозрѣвъ въ ихъ душахъ благодатное,
Прости безсиліе минутъ:
Теперь уныло непонятное
Они, счастливые, поймутъ.

Такъ. Зная свѣтъ обѣтованія,
Звѣздой мерцающій въ ночи,
Подъ злобный шумъ негодованія
Смирись, покорствуй и молчи.

1897.

IV.

ОБЯЗАТЕЛЬСТВА.

Я не знаю другихъ обязательствъ,
Кромѣ дѣвственной вѣры въ себя.
Этой истинѣ нѣтъ доказательствъ,
Эту тайну я понялъ, любя.

Безконечны пути совершенства,
О, храни каждый мигъ бытія!
Въ этомъ мірѣ одно есть блаженство —
Сознавать, что ты выше себя.

Презрѣнье—безстрастіе—нѣжность—
Эти три,—вотъ дорога твоя.
Хорошо, уносясь въ безбрежность,
За собою видѣть себя.

1897.

V.

ОТРЕЧЕНЬЕ.

Какъ долго о прошломъ я плакалъ,
Какъ страстно грядущаго ждалъ,
И Голосъ — угрюмый оракулъ —
„Довольно!“ сегодня сказалъ.

„Довольно! надежды и чувства
„Отнынѣ былымъ назови,
„Привѣтствуй лишь грезы искусства,
„Ищи только вѣчной любви.

„Ты счастіемъ назвалъ волненье,
„Молилъ у страданій вѣнца,
„Но вотъ онъ, твой путь, — отреченье,
„И знай: этотъ путь — безъ конца!“

1897.

VI.

ЧИСЛА.

Не только въ жизни боговъ и демоновъ раскрывается могущество числа.

Пиѳагоръ.

Мечтатели, сибиллы и пророки,
Дорогами, запретными для мысли,
Проникли — внѣ сознанія — далеко,
Туда, гдѣ свѣтятъ царственныя числа.

Предчувствіе разоблачаетъ тайны,
Проводникомъ нелицемѣрнымъ свѣтитъ:
Едва откроется намекъ случайный,
Объемлетъ насъ непересказный трепетъ.

Вамъ поклоняюсь, васъ желаю, числа!
Свободныя, безплотныя какъ тѣни,
Вы радугой связующей повисли
Къ раздуміямъ съ вершины вдохновенья!

1897.

VII.

СТРОГОЕ ЗВЕНО.

А. Курсинскому.

Для всѣхъ приходятъ въ свой чередъ
Дни отреченья, дни томленья.
Одна судьба насъ всѣхъ ведетъ,
И въ жизни каждой — тѣ же звенья!

Мы всѣ, мы всѣ переживемъ,
Что было близко лучшимъ душамъ,
И будемъ плакать о быломъ,
И клятвы давнія нарушимъ!

За снами страсти — суждено
Всѣмъ подступить къ завѣтнымъ тайнамъ,
И это строгое звено
Не называй въ цѣпи случайнымъ!

1898.

VIII.

Я прежде боролся, скорбѣлъ,
Но теперь я жду.
Я созналъ завѣтный предѣлъ,
Забылъ вражду.

Остановить, что быть должно,
Нѣтъ силъ.
Тому бороться смѣшно,
Кто побѣдилъ.

Если побѣда судьбой дана,
Знай и смирись.
Такъ меня — безвольно волна
Возноситъ въ высь.

1898.

ЛИРИЧЕСКІЯ ПОЭМЫ.

I.

ИДЕАЛЪ.

1.

Ее онъ увидѣлъ въ магическій часъ;
Былъ вечеръ лазурнымъ и западъ погасъ,
И первыя тѣни надъ полемъ и лѣсомъ
Дрожали, сквозили ажурнымъ навѣсомъ.
Въ таинственномъ храмѣ весеннихъ тѣней,
Мечтатель, онъ встрѣтился съ грезой своей.

2.

Они обмѣнялись медлительнымъ взглядомъ...
И дѣвичьимъ, бѣлымъ, прозрачнымъ нарядомъ
Она замелькала межъ тонкихъ стволовъ,
И долго смотрѣлъ онъ, — безъ грезъ и безъ словъ,
Смотрѣлъ, наслаждаясь представшимъ видѣньемъ,
Смотрѣлъ, отдаваясь наставшимъ мгновеньямъ.

3.

Сіяньемъ ихъ жизнь озарилась съ тѣхъ поръ,
Какъ будто на небѣ застылъ метеоръ;
И стали ихъ дни многоцвѣтны и ярки,
Какъ радостныхъ радугъ воздушныя арки;
Имъ были слѣпительны думы и сны,
Какъ пышное утро расцвѣтшей весны!

4.

Но въ чистыя дали ихъ робкихъ мечтаній
Не смѣло проникнуть желанье свиданій:
Въ открытыхъ просторахъ ихъ дѣвственныхъ грезъ
Клонились цвѣты подъ наитіемъ росъ,
Шептала волна на прибрежьи лагуны,
Чуть слышно звенѣли незримыя струны.

5.

И дивное счастье повѣдалъ имъ Богъ.
Вдали отъ людей и отъ шумныхъ тревогъ,
Въ молчаньи лѣсномъ, убаюканномъ тайной,
Другъ съ другомъ они повстрѣчались случайно.
Такъ въ старой бесѣдкѣ, игрой вѣтерка,
Другъ съ другомъ сплетаются два лепестка.

6.

И, точно друзья послѣ долгой разлуки,
Они протянули увѣренно руки,
И все, о чемъ каждый мечталъ самъ съ собой,
Другой угадалъ вдохновенной душой.
И были не нужны ни клятвы, ни рѣчи
При этой короткой задумчивой встрѣчѣ.

7.

То былъ мотылекъ, пилигримъ вечеровъ,
Который подслушалъ прощанье безъ словъ;
То было смущенное облачко мая,
Которое, въ дали лазоревой тая,
Надъ лиліей видѣло алый цвѣтокъ:
Улыбку, склоненную къ трепету щекъ!

8.

И больше они никогда не встрѣчались!
Но свѣтлой святыней въ ихъ душахъ остались
Блаженныя тѣни мгновеннаго дня...
И жили они, эту тайну храня,
И память о жизни, о горестной жизни,
Была ихъ наградой въ небесной отчизнѣ.

1896.

II.

СОНЪ ПРОРОЧЕСКІЙ.

Въ мое окно давно глядѣлся день;
Въ моей душѣ, какъ прежде, было смутно.
Лишь иногда отрадою минутной
Дышала вновь весенняя сирень,
Лишь иногда, пророчески и чудно,
Мерцалъ огонь лампады изумрудной.

Минутный мигъ! и снова я тонулъ
Въ безгрезномъ снѣ, въ томительномъ туманѣ
Неясныхъ формъ, невѣрныхъ очертаній,
И вновь стоялъ неуловимый гулъ
Не голосовъ, а воплей безобразныхъ,
Мучительныхъ и странно неотвязныхъ.

Мой бѣдный умъ, какъ зимній пилигримъ,
Изнемогалъ отъ тщетныхъ напряженій.
Міръ помысловъ и тягостныхъ сомнѣній,
Какъ влажный снѣгъ, носился передъ нимъ;
Казалось: рядъ неуловимыхъ линій
Ломался вдругъ въ измѣнчивой картинѣ.

Сталъ сонъ яснѣй. Дымящійся костеръ
На берегу шипѣлъ и разсыпался.
Въ гирляндахъ искръ туманно означался
Безумныхъ вѣдьмъ неистовый соборъ.
А я лежалъ, безвольно распростертый,
Живой для думъ, но для движеній мертвый.

Безмолвный сонмъ собравшихся тѣней
Сидѣлъ вокругъ задумчивымъ совѣтомъ.
Десятки рукъ надъ потухавшимъ свѣтомъ
Тянулись въ дымъ и грѣлись у огней;
Сѣдыхъ волосъ обрывки развивались,
И головы медлительно качались.

И вотъ одна, покинувъ страшный кругъ,
Приблизилась ко мнѣ, какъ Демонъ нѣкій.
Ужасный ликъ я видѣлъ черезъ вѣки,
Горбатый станъ угадывалъ, — и вдругъ
Я разслыхалъ, какъ трупъ на днѣ гробницы,
Ея слова, — какъ заклинанья жрицы.

„Ты будешь жить! — она сказала мнѣ. —
Бродить въ толпѣ ряды десятилѣтій,
О, много устъ вопьются въ губы эти,
О, многимъ ты „люблю“ шепнешь во снѣ!
Замрешь не разъ въ порывѣ страсти пьяномъ...
Но будетъ все — лишь тѣнью, лишь обманомъ!

„Ты будешь пѣть! Придутъ къ твоимъ стихамъ
И юноши и дѣвы, и прославятъ,
И идолъ твой торжественно поставятъ
На высотѣ. Ты будешь вѣрить самъ,
Что яркій лучъ зажегъ ты надъ туманомъ...
Но будетъ все — лишь тѣнью, лишь обманомъ!

„Ты будешь ждать! И межъ земныхъ боговъ
Единаго искать, тоскуя, Бога.
И, наконецъ, уснетъ твоя тревога,
Какъ буйный ключъ среди глухихъ песковъ.
Повѣришь ты, что сталъ надъ Іорданомъ...
Но будетъ все — лишь тѣнью, лишь обманомъ!"

Сказавъ, ушла. Хотѣлъ я отвѣчать,
Но вдругъ костеръ, предъ тѣмъ, какъ рухнуть, вспыхнулъ,
И шопотъ вѣдьмъ въ беззвѣздной ночи стихнулъ,
Ужасный сонъ на грудь мнѣ легъ опять.
Вновь понеслись безформенныя тѣни,
И лишь въ окно вливалась пѣснь сирени.

1896.

ПРИМѢЧАНІЯ.

Объясненіе сокращеній: Р. С. 1, Р. С. 2, Р. С. 3 — сборники „Русскіе Символисты", вып. 1 (М. 1894), вып. 2 (М. 1894), вып, 3 (М. 1895); Chefs d'Œuvre, изд. 1, изд. 2, изд. 3 — 1-ое изд. М. 1895, 2-ое изд. М. 1896, 3-е изд.: „Пути и Перепутья", т. I, М. 1908; Me eum esse, изд. 1, изд. 2 — 1-ое изд. М. 1897, 2-ое изд.: „Пути и Перепутья", т. I, М. 1908; К. Р.. — „Книга Раздумій" (К. Бальмонтъ, Валерій Брюсовъ, Модестъ Дурновъ, Ив. Коневской), Спб. 1899; П. и П. 1 — „Пути и Перепутья", т. I, М. 1908; „Молодая поэзія" — сборникъ подъ ред. П. и В. Перцовыхъ, Спб. 1895.

Juvenilia.

Книга, приблизительно съ тѣмъ же подборомъ стихотвореній, какъ печатаемый теперь, была подготовлена къ печати въ 1896 году (цензурное разрѣшеніе 9 августа 1896 г.), но издана не была.

Прологъ.

I. Сонетъ къ формѣ. Печ. въ первый разъ.
II-V. Р. С. 1.
VI. Р. С. 3.
VII. Р. С. 2.
VIII. Р. С. 3.
IX. Р. С. 2.
X. Печ. въ первый разъ.

Первыя мечты.

I. Р. С. 1.
II. Печ. въ первый разъ.
III. Р. С. 1.
IV. Печ. въ первый разъ.
V. Завѣтный сонъ. Р. С. 1. П. и П. I.
VI. Р. С. 2.
VII. Р. С. 1.

Новыя грезы.

I-VII. Р. С. 1.
VIII. Мечты о померкшемъ. Р. С. 2. „Молодая поэзія". (Спб. 1895). П. и П. 1.

IX. Р. С. 1. Послѣ 2-ой строфы была еще одна:

И лживыхъ кудрей пелена
Сумѣетъ меня убѣдить,
Что счастья завѣтная нить
Въ твоихъ волосахъ вплетена.

X. Р. С. 2. П. и П. 1. Въ Р. С. читалось:

Не дремлютъ тѣни,
Не молкнетъ садъ;
Огни сомнѣній
Въ душѣ горятъ.
И ропщутъ струи,
И плещетъ прудъ;
И поцѣлуи
Манятъ и лгутъ.
Въ тиши молчанья
Есть голоса;
Безъ обаянья
Дрожитъ слеза.
Во мглѣ тумана
Мерцаетъ свѣтъ;
Слова обмана —
Любви обѣтъ!
Мечты безмолвно
Несутся прочь,
И жизнью полно
Все въ эту ночь.

Лирическія поэмы.

I. Встрѣча послѣ разлуки. Печ. въ первый разъ.
II. Осенній день. Chefs d'Œuvre, изд. 1., съ незначительными вар.

Chefs d'Œuvre.

1-ое изд. М. 1895. 2-ое изд. М. 1896. 3-е изд. П. и П. т. 1. М. 1908

Стихи о любви.

1. Полдень Явы.
I. Предчувствіе. Изд. 1. Изд. 2. Изд. 3.

Изд. 1.

Ст. 3. Тамъ ящеры свернувшися лежатъ.

Ст. 10—11. Сплетемъ вѣнки, пройдемъ весь міръ аллей,
Найдемъ пріютъ на ложѣ орхидей.

Изд. 2. Все стихотв. изложено отъ третьяго лица.

Ст. 1. Его любовь—палящій полдень Явы.

Ст. 9—1. Иди: онъ ждетъ! Спѣшите наслаждатье.
Подъ тѣнями загадочныхъ вѣтвей,
Среди гуявъ и жадныхъ орхидей.

II. Предъ темной завѣсой. Печ. въ первый разъ.
III. Измѣна. Печ. въ первый разъ.
IV. Тѣни. „Золотое Руно" 1906 г. Изд. 3.
V. Все кончено. Печ. въ перв. разъ.

2. Къ моей Миньонѣ.

I-II. Печ. въ первый разъ.
III. Изд. 3.

3. Глупое сердце.

I-III. Изд. 2.
IV. Изд. 2. Изд. 3.

4. Воспоминаніе о малюточкѣ Корѣ.

I-II. Печ. въ первый разъ.

Криптомеріи.

I. Въ ночной полумглѣ. Изд. 1. Изд. 2. Строфы 2—3 первоначально читались:

И вотъ я лежу въ полуснѣ
На мху первобытнаго парка,
И ты, молодая дикарка,
Любовно прижалась ко мнѣ.
Измученъ недавней охотой,
Ласкать я тебя не могу,
Но все же съ тобою на мху
Такъ сладко забыться дремотой.

II. Опять сонъ. Печ. въ первый разъ.
III. Ожиданіе. Печ. въ первый разъ.
IV. На журчащей Годавери. Изд. 1. Изд. 2. Изд. 3. Во всѣхъ трехъ изд. текстъ съ незначительными вар.
V. На островахъ Пасхи. Изд. 1. Изд. 2. Вмѣсто строфъ 5 — 8 было:

Блуждаетъ богиня Атоми,
И взоръ ея грустно-тревоженъ;
Народъ нашъ уснулъ на соломѣ,
Народъ нашъ и грубъ и ничтоженъ.
Не наши — могучя руки
Поставили васъ надъ скалами!
Съ творцами дави о вы въ разлукѣ
И мы воцарились надъ вами...
Но нѣтъ о прошедшемъ преданій.
Безмолвно на каменной грудѣ
Вы спите, семья изваяній,
Нѣмые громадные люди.
Смотря на зеленую воду,
Вы изрѣдка хмурите брови,
Но гнѣвъ вашъ невнятенъ народу,
Забылъ онъ о пролитой крови.

VI. Прокаженный. Изд. 1. Изд. 2. Изд. 3.
VII. Съ кометы. Изд. 1. Изд. 2. Изд. 3.

Холмъ покинутыхъ святынь.

I. Моя мечта. Изд. 2.
II. Львица среди развалинъ. Печ. въ первый разъ.
III. Жрецъ. Изд. 1. Изд. 2. Изд. 3. Въ изд. 1 и 2 безъ 3-й строфы и съ вар. строфы 4-ой:

Тебѣ, о Сиріусъ, о властелинъ лучей,
Я возношу моленья,
И въ шумѣ дня, и въ тишинѣ ночей,
И на ложницѣ наслажденья.

IV. Къ монахинѣ. Изд. 2. Изд. 3. Первоначальный текстъ, — озаглавленный „Vestalis virgo", — безъ 2-ой строфы, съ незначительными вар. въ первыхъ строфахъ и съ вар. 1 стиха строфы послѣдней:

Мигъ за мигомъ! Во снѣ истомленномъ...

V. Въ старомъ Парижѣ. Изд. 2. Изд. 3.
VI. Анатолій. Изд. 1. Изд. 2.
VII. Бѣглецъ. Печ. въ первый разъ.
VIII. Въ прошломъ. Изд. 1 („Давно"). Изд. 2 („Въ прошедшемъ").
IX. Въ будущемъ. Изд 2.
X. Изд. 1.

Будни.

I. Туманныя ночи. Изд. 1. Изд. 2. Изд. 3.
II. Подруги. Изд. 3.

III. Первый снѣгъ. Изд. 1. Изд. 2. Изд. 3. Первоначальный вар. стиховъ 3—6:

Блещутъ инеемъ березки.
На снѣгу — лучей игра!
Въ этомъ взмахѣ чьей-то грезы
Все фантазія и сны...

Вар. стиха 14:

Жизни съ грезою игра...

IV. Одна. Изд. 2.
V. Одна. Изд. 2.
VI. Въ вертепѣ. Изд. 1. Изд. 2. Изд. 3.
VII. Осужденная жрица. Изд. 1. Изд. 2. Изд. 3.
VIII. Летучая мышь. Изд. 2. Изд. 3. Первоначальный текстъ — безъ строфы 5-ой, съ вар. строфы 2-ой и двухъ послѣднихъ:

Упавъ на сѣдой подоконникъ,
Не знаю небесныхъ красотъ.
Явись! твой поэтъ и поклонникъ
Измученъ, безсиленъ, зоветъ.
Мерцаетъ неслышно лампада,
Чуть видно бѣлѣетъ плечо,
Все небо лепечетъ: „не надо!"
Чудовище шепчетъ: „еще!"

IX. Ночью. Печ. въ первый разъ.
X. Въ камышахъ. Изд. 2, съ заглавіемъ „Село" и вар. послѣдняго стиха:

Вблизи за рѣкою чернѣетъ село.

XI. Сумасшедшій. Изд. 1. Изд. 2. Изд. 3.
XII. Пурпуръ блѣднѣющихъ губъ. Изд. 3.

Часы дней.

I. Сонетъ къ мечтѣ. Печ. въ первый разъ.
II. Мечта. Изд. 1. Изд. 2. Первоначальный вар. послѣдняго стиха:

Струны желанья во мнѣ бъ не дрожали.

III. Фантомъ. Изд. 1.
IV-V. Печ. въ первый разъ.
VI. Pro domo sua. Изд. 1. Изд. 2.

Méditations.

I. Изд. 1. Изд. 2. Изд. 3.
II. Изд. 1. Изд. 2.
III-V. Изд. 1. Изд. 2. Изд. 3.

Лирическія поэмы.

I. Снѣга. Изд. 1. Изд. 2. Изд. 3. Въ каждомъ изъ 3 изд. поэма печаталась въ значительно измѣненномъ видѣ. Первоначальный вар. (изд. 1):

Луны холодные рога
Струятъ мерцанье голубое
На неподвижные луга;
Деревья-призраки — въ покоѣ,
Молчитъ рѣка въ объятьяхъ льда,
На всей землѣ не спимъ мы двое.
„Увы, Марія, навсегда
Погасли зори золотыя,
Любовь скатилась, какъ звѣзда.
„Скажи, зачѣмъ, какъ въ дни былые,
Сошлися мы? мы въ тайнѣ сна?
Скажи, мы призраки, Марія?"
На насъ мерцанье льетъ луна,
По снѣгу вдаль уходятъ тѣни,
Отвѣтъ вопросамъ — тишина.
„Скажи, ты помнишь день осенній!
Ты трепетала, ты ждала
Съ туманнымъ взоромъ наслажденій;
„И дикой страсти два крыла
Умчали насъ подъ сѣнь желаній...
Но страсть, какъ роза, умерла".
Идемъ мы въ таинствѣ мерцаній,
На насъ луна бросаетъ свѣтъ,
Свѣтъ голубыхъ очарованій.
Ни звука. Тишина въ отвѣтъ.
Въ душѣ мелькаетъ, противъ воли,
Полузабытый силуетъ.
„Ты помнишь, мы когда-то въ полѣ.
Подъ небомъ юга, въ лѣтній день,
Съ тобой сплели вѣнокъ магнолій,
„И ты, ссылаяся на лѣнь,
Подруга мраморнымъ наядамъ,
Легла на холодѣ ступень!
„Ты помнишь?" Голубымъ каскадомъ
Луна струитъ лучи свои,
И мы скользимъ въ молчаньи рядомъ.
„А этотъ день, когда струи
Веслонъ привычнымъ разсѣкая,
Я направлялъ полетъ ладьи?

„Скажи, ты помнишь, дорогая,
Невозвратимый день весны,
Огни любви въ дыханьи мая?
„Увлечены и смущены,
Струна любви въ созвучномъ хорѣ,
Подъ шумъ восторженной волны,
„Съ тобой мы мчались прямо въ море,
И забывали берега
Въ его рокочущемъ просторѣ!"
Горятъ и искрятся снѣга;
Струятъ на насъ потокъ мерцаній
Луны холодные рога.
„О часъ восторженныхъ признаній,
Невинныхъ грезъ мелькнувшій часъ,
Святыня всѣхъ воспоминаній!
„О говори! улыбкой глазъ
Верни, чему ужъ нѣтъ возврата,
Тотъ свѣтъ, который ужъ погасъ.
„Онъ мной забытъ во мглѣ разврата
Но ты, его напомнивъ мнѣ,
Зачѣмъ молчишь на стоны брата!"
Зову, молю, — и въ тишинѣ
Застыли звуки. Въ дрожи страстной
Смотрю: на снѣжной пеленѣ
Моя лишь тѣнь ложится ясно;
Стою одинъ, какъ въ тайнѣ сна,
Въ молчаньи ночи безучастной.
Вокругъ пуста и холодна
Лазурная равнина снѣга,
Свое мерцанье льетъ луна,
На вышинѣ сверкаетъ Вега.

II. И снова... Изд. 2. Изд. 3. Текстъ изд. 2 значительно отличается отъ изд. 3. Эпиграфомъ поставлено: „Не полная луна, а новолунія заставляютъ меня томиться". Варіанты:

Стр. 1, ст. 1—3.
И снова день въ томительномъ іюнѣ
Воскресшій день, съ воскресшею луной.
Въ нѣмые дни безсвязныхъ новолуній...

Стр. 2, ст. 1—6.
И чуть лучи погаснутъ вдалекѣ,
Едва луна откинутымъ обрѣзкомъ
Мелькнетъ межъ звѣздъ, — въ мистической тоскѣ
Любуюсь я неодолимымъ блескомъ,
Покинувъ домъ, спускаюся къ рѣкѣ,
Ищу свой путь по страннымъ арабескамъ...

Стр. 3, ст. 1—5.

И образы слетаются изъ дали,
И новый міръ виднѣется яснѣй,
Туманный міръ тускнѣющихъ эмалей,
Міръ контуровъ и спутанныхъ тѣней.
И въ этотъ міръ беззвучныхъ вакханалій...

Стр. 4, ст. 2—6.

И грудь ея — невнятной красоты,
И странный блескъ играетъ волосами.
Какъ тайный склепъ, навѣсы темноты
Безжизненно спускаются надъ нами...
И, какъ напѣвъ далекихъ похоронъ,
Ея мольба, ея отвѣтный стонъ.

III. Три свиданія. Изд. 1. Изд. 2. Изд. 3. Въ изд. 1 и 2 въ отд. II вмѣсто стиховъ 11—16 было:

Вотъ онъ „трепетъ любви", о которомъ
Столько разъ я твердилъ въ тріолетахъ,
Вотъ онѣ — „сладкія слезы ночей"!
Не плачь, дорогая! Улыбнись...

Стихи отъ 25 до конца отдѣла отсутствовали.

IV. Бѣлыя клавиши. Печ. въ первый разъ.

Me eum esse.

1-е изд. М. 1897. 2-ое изд. „Пути и Перепутья", т. I, М. 1908.

Новые завѣты.

I. Изд. 1. Изд. 2.
II. Изд. 1.
III. Изд. 1. Изд. 2.
IV. Изд. 1.
V. Печ. въ первый разъ.
VI. Печ. въ первый разъ.
VII. Il Bacio. Chefs d'Œuvre, изд. 2, безъ строфъ 2 и 3.
VIII. По поводу Chefs d'Œuvre. Изд. 1, безъ строфы 4 и съ незначительными вар.
IX. Печ. въ первый разъ.

Видѣнія.

I. Весна. Изд. 1, безъ строфы 2. Изд. 2.
II. На бульварѣ. Изд. 1. Изд. 2.
III. Мгновеніе. Изд. 1. Изд. 2.

IV. Печ. въ первый разъ.
V. Въ траурѣ. Изд. 1. Изд. 2.
VI. Позоръ. Изд. 2.
VII. Вѣтви. Изд. 1. Изд. 2.

Мгновенія.

I. Изд. 1.
II. Туманъ. Изд. 2.
III. Продажная. Изд. 1. Изд. 2.
IV. Разсвѣтъ. Изд. 1. Изд. 2.
V. Печ. въ первый разъ.
VI. Изд. 1.
VII. Печ. въ первый разъ.
VIII. Печ. въ первый разъ.

Скитанія.

I. Изд. 1. Изд. 2.
II. Изд. 1. Изд. 2.
III. Изд. 1. Изд. 2.
IV. Изд. 1. Изд. 2.
V. Вечеръ. Печ. въ первый разъ.
VI. Изд. 1.
VII. Изд. 2.
VIII. Печ. въ первый разъ.
IX. Изд. 2.
X. Изд. 2.

Ненужная любовь.

I. Изд. 1. Изд. 2. Въ изд. 1 вар. ст. 3:

Какъ статуи горя, ряды кипарисные.

II. Изд. 2.
III. Изд. 1. Изд. 2.
IV. Изд. 1. Изд. 2.
V. Изд. 1. Изд. 2.
VI. Печ. въ первый разъ.
VII. Печ. въ первый разъ.
VIII. Печ. въ первый разъ.
IX. „Gaudeamus", литературно-художественный журналъ, Спб. 1911, № 11, съ датою: „1896".
X. Изд. 1. Изд. 2.
XI. Изд. 2.

Вѣянье смерти.

I. Изд. 1. Изд. 2.
II. Chefs d'Œuvre, изд. 2. Изд. 2. Въ Chefs d'Œuvre вар. строфы 3

Темень думъ безъ просвѣта,
И въ туманѣ судьбы
Я не знаю отвѣта
На больныя мольбы.

III. Послѣднія слова. Изд. 1.
IV. Печ. въ первый разъ.
V. Печ. въ первый разъ.
VI. Изд. 1. Изд. 2.
VII. Изд. 1. Изд. 2.
VIII. Кн. Р. Изд. 2.
IX. Кн. Р. Изд. 2.

Въ пути.

I. Изд. 1. Изд. 2.
II. Изд. 1. Изд. 2. Въ изд. 1 послѣдній ст.:

Сладострастныя желанья.

III. Изд. 1. Изд. 2.
IV. Изд. 1, безъ строфы 3. Изд. 2.
V. Изд. 1, безъ строфы 3. Изд. 2.
VI. Изд. 1. Изд. 2.
VII. Изд. 2
VIII. Кн. Р. Изд. 2.

Завершеніе.

I. Годы молчанія. Кн. Р. Изд. 2. Въ Кн. Р. вар. послѣдней строфы:

Въ полумракѣ, гдѣ пропасти темныя,
Блуждаемъ мы,
И отъ свѣта уходимъ, бездомные...
О, царство тьмы!

II. Печ. въ первый разъ.
III. Кн. Р.
IV. Кн. Р. Изд. 2. Въ Кн. Р. вар. ст. 11—12:

И какъ сладко, умчавшись въ безбрежность,
Увидать за собою себя.

V. Изд. 1.
VI. Кн. Р. Изд. 2.
VII. Изд. 2.
VIII. Кн. Р.

Лирическія поэмы.

1. **Идеалъ.** Chefs d'Œuvre, изд. 2. Изд. 2. Въ изд. 2 поэма появилась въ значительно измѣненномъ видѣ. Первоначальный текстъ (Chefs d'Œuvre, изд. 2):

Они повстрѣчались въ магическій часъ.
Былъ вечеръ лазурнымъ и западъ погасъ,
И блѣдныя тѣни надъ полемъ и лѣсомъ
Ложились, сгущались ажурнымъ навѣсомъ.
На ласковомъ фонѣ весеннихъ тѣней
Мечтатель-безумецъ онъ встрѣтился *съ ней*.
И первая встрѣча шепнула имъ много.
Какъ ландышъ, на сердцѣ проснулась тревога;
Мелькнула, скользнула за тонкимъ стекломъ
Пурпурная бабочка легкимъ крыломъ;
Измученный лотосъ коснулся до влаги,
И, тайные, вдаль побѣжали зигзаги.
Вся жизнь озарилась огнями съ тѣхъ поръ.
Какъ будто на небѣ застылъ метеоръ,
Какъ будто бы міръ задрожалъ отъ мелодій,
И сонъ ароматный разлился въ природѣ.
Но мигомъ свиданья, какъ утро чисты,
Не смѣли они опозорить мечты.
И мальчикъ-поэтъ и ребенокъ-Марія,
Мечтая и грезя въ часы голубые,
Не знали желаній, смущающихъ умъ.
Въ небесной прозрачности дѣвственныхъ думъ
Дрожали псалмы и улыбки растеній,
Носились, томились безплотныя тѣни.
И дивное счастье повѣдалъ имъ Богъ.
Вдали отъ людей, далеко отъ тревогъ
Въ молчаньи лѣсномъ, преисполненномъ тайной
Другъ съ другомъ они повстрѣчались случайно.
Такъ въ старой бесѣдкѣ игрой вѣтерка
Другъ съ другомъ сплетаются два лепестка.
И точно друзья послѣ долгой разлуки,
Они протянули увѣренно руки,
И все, о чемъ каждый мечталъ самъ съ собой,
Другой угадалъ вдохновенной душой.

И были ненужны ни ласки, ни рѣчи
При этой короткой ритмической встрѣчѣ.
То былъ мотылекъ, пилигримъ вечеровъ,
Который подслушалъ прощанье безъ словъ,
То было смущенное облачко мая,
Которое въ дали лазоревой тая,
Поймало румянецъ склоненныхъ лилей,
Улыбку надъ лепетомъ свѣтлыхъ кудрей.
И ярче горѣло свѣтило земное,
Полнѣй на куртинахъ дышало левкое,
Шепталъ ароматнѣй загадочный садъ,
Когда возвращалась Марія назадъ,
Когда въ ея сердцѣ туманныя розы
Роняли надъ глубью росистыя слезы.
И милостивъ былъ къ нимъ Создатель во всемъ.
День встрѣчи остался послѣднимъ ихъ днемъ,
Пылающимъ вѣчно, какъ Божья лампада,
Кристальнымъ и чистымъ, какъ брызги каскада:
Въ гирлянду его — навсегда, навсегда —
Вплелись незабудки, сирень, резеда.
И въ вѣчности счастіе ихъ неизмѣнно, —
Они не встрѣчались и въ жизни блаженной.
Два свѣтлые ангела, вѣчно они
Хранили въ душѣ серебристые дни,
И память о жизни, о горестной жизни,
Была ихъ наградой въ небесной отчизнѣ.

. Сонъ пророческій. Печ. въ первый разъ.

СОДЕРЖАНІЕ.

Стихотворенія, отмѣченныя одной звѣздочкой, не были включены въ собраніе „Пути и перепутья"; — отмѣченныя двумя звѣздочками, появляются въ печати въ первый разъ.

Стр.

Предисловіе къ полному собранію сочиненій VII
Предисловіе къ I тому X

Juvenilia.

Прологъ.

** I. Сонетъ къ формѣ 5
* II. Осеннее чувство 6
* III. Самоувѣренность 7
* IV. Сердце, полное уныніемъ 8
* V. Творчество 9
* VI. О закрой свои блѣдныя ноги 10
* VII. Она въ густой травѣ 11
* VIII. Ученый 12
* XIX. Отверженный герой 13
** XX. Господи! Господи! 14

Первыя мечты.

* I. Мы встрѣтились съ нею случайно 19
** II. Мечты, какъ лентами, словами 20
** III. Это было? Неужели? 21
* IV. Полутемное окошко 22
V. Завѣтный сонъ 23
* VI. Изъ письма 24
* VII. Вечеромъ передъ церковью 25

Новыя грезы.

Стр.

* I. Мрачной павеликой 29
* II. Безпощадною орбитой 30
* III. Въ тиши задремавшаго парка 31
* IV. Звѣздное небо безстрастное 32
* V. Звѣзды тихонько шептались 33
* VI. Звѣзды закрыли рѣсницы 34
* VII. Слезами блестящіе глазки 35
VIII. Мечты о померкшемъ 36
* XIX. Приникни головкой твоей 37
XX. Въ саду 38

Лирическія поэмы.

** I. Встрѣча послѣ разлуки 41
* II. Осенній день 43

Chefs d'Œuvre.

Стихи о любви.

1. Полдень Явы.
I. Предчувствіе 53
** II. Предъ темной завѣсой 54
** III. Измѣна 55
VI. Тѣни 56
** V. Все кончено 57

2. Къ моей Миньонѣ.
** I. Утро, раннее утро 59
** II. Да! упреки жестоки и строги! 61
III. Знаешь, Миньона, одинъ только разъ 62

3. Глупое сердце.
* I. Глупое сердце, о чемъ же печалиться! 63
* II. Поцѣлуи 64
* III. Во мглѣ 65
IV. Утренняя звѣзда 66

4. Воспоминаніе о малюточкѣ Корѣ.
** I. Умереть, умереть, умереть! 67
** II. Черныя тѣни узорной рѣшетки 69

Криптомеріи.

* I. Въ ночной полумглѣ 73
** II. Опять сонъ 74
** III. Ожиданіе 76

BINDING SLOT: SEP 17 1971

PG
3453
B7
1913a
t.1

Briusov, Valerii IAkovlevich
Polnoe sobranie sochinenii i perevodov

PLEASE DO NOT REMOVE
CARDS OR SLIPS FROM THIS POCKET

UNIVERSITY OF TORONTO LIBRARY